ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ

ВЫПУСК
20 / 2

PROBLEMS OF COGNITIVE AND FUNCTIONAL DESCRIPTION OF RUSSIAN AND BULGARIAN LANGUAGES

Volume 20 / Issue 2

Университетско издателство
"Епископ Константин Преславски"

Шуменски университет
“Епископ Константин Преславски”
Факултет по хуманитарни науки

Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков

Выпуск 20 / 2

Problems of cognitive and functional description of Russian and Bulgarian languages

Volume 20 / Issue 2

Шумен
2026

Двадцатый выпуск журнала «Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков» посвящён 55-летию со дня основания Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского.

Журнал объединяет различные теоретические подходы к изучению языковых явлений, способствуя углублению представлений о взаимосвязи языка, мышления и коммуникации, а также выявлению межсистемных соответствий и различий. В нем утверждаются значимость научного диалога, методологического многообразия и преемственности исследовательских традиций Шуменского университета.

Издание тематично объединяет статьи исследователей Болгарии, Беларуси и Казахстана в области: *Актуальные проблемы лингвистики*. Журнал издается на средства научно-исследовательского проекта кафедры русского языка Шуменского университета (№ РД-08-96 / 03.02.2026 г.). Научный журнал индексирован в РИНЦ, ERIHPLUS, CEOOL, SCRIBD, Global index for Continuing Researchers, Google Scholar и включен в Национальном референтном списке НАЦИД.

Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Выпуск 20/2. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2026. 139 с.

Ответственный редактор:
доц. д-р Ирена Петрова

Редакционная коллегия:
проф. дфн Стефана Димитрова, Болгария
проф. дфн Ивелина Савова, Болгария
проф. д-р Елена Стоянова, Болгария
проф. д-р Неля Иванова, Болгария
доц. дфн Светлана Алексанова, Россия
доц. кфн Гигла Джинджолия, Чехия
доц. д-р Енчо Тилев, Болгария
доц. д-р Надежда Стойкова, Болгария
гл. ас. д-р Дияна Николова – техн. редактор

ISSN 2603-3143 (Print)
ISSN 2603-3151 (Online)
© Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“

ОГЛАВЛЕНИЕ

Актуальные проблемы лингвистики

Стойкова Надежда	Прагматика побудительной интенции и особенности ее синтаксической реализации в фатическом общении (на примерах русской и болгарской художественной литературы)	5
Терзиева Татьяна	Терминографическое моделирование русско-болгарского словаря автомобилестроения: когнитивный и переводческий аспекты	28
Тилев Энчо	Жан-Батист Модрю: Вклад в описание русского языка	78

Хроника

Стойкова Надежда, Николова Дияна	Актуални проблеми в лингвистиката	124

CONTENTS

Current issues in linguistics

Stoykova Nadezhda	The pragmatics of directive intent and its syntactic realization in phatic communication (evidence from Russian and Bulgarian literary texts)	5
Terzieva Tatyyana	Terminographic modelling of a Russian–Bulgarian automotive dictionary: cognitive and translation aspects	28
Tilev Encho	Jean-Baptiste Maudru: His contribution to the description of Russian	78

Chronicles

Stoykova Nadezhda, Nikolova Diyana	Current issues in linguistics	124

ПРАГМАТИКА ПОБУДИТЕЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В ФАТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ (НА ПРИМЕРАХ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Стойкова Надежда

Аннотация: Данная статья посвящена анализу прагматики побудительной интенции и её синтаксической реализации в контексте фатического общения на материалах русской и болгарской литературы. Побудительная интенция рассматривается как комплексная система, объединяющая регулятивные, апеллятивные, интеракциональные и оценочные функции с учетом социальных норм, межличностных отношений и мотивации говорящего. Выражение побудительной интенции осуществляется как посредством явно выраженных императивных форм, так и косвенными способами – через интонацию, контекст и речевые стратегии. Эффективность побуждения зависит от социального статуса участников коммуникации, степени автономии адресата и условий взаимодействия.

Ключевые слова: побудительная интенция; побудительные конструкции; фатическое общение

https://doi.org/10.46678/OEMI1169

THE PRAGMATICS OF DIRECTIVE INTENT AND ITS SYNTACTIC REALIZATION IN PHATIC COMMUNICATION (EVIDENCE FROM RUSSIAN AND BULGARIAN LITERARY TEXTS)

Stoykova Nadezhda

Abstract: This article focuses on the pragmatics of directive intention

and its syntactic realization in the context of phatic communication, based on materials from Russian and Bulgarian literature. Directive intention is viewed as a complex system integrating regulative, appellative, interactional, and evaluative functions, taking into account social norms, interpersonal relations, and the speaker's motivation. The expression of directive intention occurs both through explicitly marked imperative forms and indirectly via intonation, context, and discourse strategies. The effectiveness of directive acts depends on the social status of participants, the degree of autonomy of the addressee, and the conditions of interaction.

Key words: directive intention, directive constructions, phatic communication

Побудительная интенция в фатическом общении представляет собой сложную систему, в которой синтаксические средства тесно связаны с прагматическими функциями высказывания. Она сочетает в себе регулятивное, апеллятивное, интеракционное и оценочное воздействие на адресата, а также учитывает социально-культурные нормы коммуникации и межличностные отношения между участниками диалога. Русская речевая практика демонстрирует богатство побудительных конструкций, в том числе как прямых, так и косвенных форм императива, что обеспечивает гибкость в реализации коммуникативных намерений и управлении ходом диалога. Таким образом, синтаксическая организация побудительных актов отражает их прагматическую направленность и позволяет эффективно поддерживать фатическую функцию высказывания, достигая при этом поставленных коммуникативных целей.

Как отмечает Е. И. Кригер [6], процесс формирования новых лексических единиц непосредственно связан с их прагматической функцией, что подчеркивает ключевую роль языковых единиц в воздействии на адресата. В свою очередь, Е. К. Силкова рассматривает прагматику как связующее звено между лексикой, грамматикой и фонетикой, исследуя

употребление языковых единиц в конкретных коммуникативных контекстах и их влияние на реакцию собеседника [8]. Совместный анализ данных подходов позволяет сделать вывод о том, что побудительная интенция в фатическом общении реализуется посредством осознанного выбора и структурирования лексико-синтаксических средств: новые или вариативные языковые единицы [6] функционируют в рамках системы взаимодействия языковых уровней [8], обеспечивая целенаправленное воздействие на собеседника и поддержание коммуникативного контакта. Таким образом, прагматический потенциал слова и его вариативность непосредственно определяют выбор лексико-синтаксических конструкций для реализации побудительной интенции в фатических актах общения, способствуют эффективному побуждению адресата к реакции или действию при одновременном поддержании коммуникативной связи.

Прагматика побудительной интенции в фатическом общении направлена на выражение побуждений или команд, которые стимулируют действия или реакции адресата в конкретной коммуникативной ситуации. В этом процессе ключевую роль играют параметры места, времени и социального положения участников [9]. Для правильного понимания таких высказываний адресат должен опираться на общие знания о мире и социальной среде**,** которыми он и говорящий делятся. К ним относятся: знание социальных норм и ролей (например, как реагировать на команду учителя), культурные или исторические факты (например, сведения о театральной постановке или известном событии), а также повседневный опыт и привычные действия (например, понимание того, как выполнить просьбу «закрой окно»). Синтаксическая реализация побудительных высказываний обычно проявляется через императивные конструкции, модальные частицы и интерактивные

элементы, обеспечивая эффективное фатическое взаимодействие. При этом прагматика побудительной интенции ограничена непосредственными побуждающими функциями, тогда как дискурсивный анализ учитывает более широкий спектр когнитивных, социальных и контекстуальных факторов, влияющих на формирование и восприятие высказывания [9]. Исследуя интенциональную структуру директивного речевого акта, А. Николова отмечает, что она связана с реализацией ряда функций, включая регулятивную, конативную (прескриптивную), апеллятивную, аффективную, оценочную, интеракциональную (межличностную), дискурсивную, металингвистическую и другие. Таким образом, при использовании побудительного высказывания говорящий реализует указанные функции: обращаясь к объекту речи, он стремится регулировать его действия, предписывает определенный тип поведения и осуществляет это, эксплицитно выражая свое отношение к адресату и к речевому акту, оценивая их и интегрируя это в соответствующий дискурс [7].

Побудительная интенция обладает сложной структурой, включающей экстралингвистические компоненты, которые проявляются в языковых средствах выражения. В их состав входят мотивация стимула, прогнозирование перлокутивного эффекта, стремление обеспечить максимальную результативность речевого действия, а также маркеры межличностных отношений между коммуникантами. Кроме того, важным аспектом является стремление говорящего соблюсти собственные мотивы и установки, а также конвенциональные правила общения. При использовании побудительных высказываний говорящий направляет развитие диалога в желаемом им направлении – в духе кооперации или же конфликта [7].

Побудительные предложения в фатическом общении проявляются на всех этапах речевого взаимодействия.

Наблюдения показывают, что в начале и в конце коммуникативного контакта широко используются стандартные этикетные выражения с побудительной интенцией, являющиеся обязательными языковыми формулами в режиме вежливого взаимодействия. В процессе устного общения при инициировании коммуникации допускается использование разнообразных контактных фатических единиц, выраженных побудительными предложениями. На этапе поддержания диалога такие предложения реализуются в различных речевых жанрах, таких как приказ, просьба, совет, предложение, пожелание и другие.

В коммуникативном поведении говорящего употребление предложений с побудительной семантикой составляет важную часть его речевой деятельности. Предложения, выражающие побудительную функцию, описывают ситуацию, в которой участвуют два субъекта – говорящий и слушающий. Формы побуждения обозначают не просто процесс, действие или состояние, а волю говорящего относительно выполнения или невыполнения конкретного действия. В фатической ситуации общения слушающий занимает центральное место в паре «говорящий – слушающий», то есть его позиция является приоритетной, а при реализации побудительных (директивных) речевых актов ведущая роль принадлежит говорящему. Воля и субъективное намерение говорящего лежат в основе императивной ситуации, так как они направлены на исполнителя побуждения, осуществляемого вторым участником коммуникации. Внимание к собеседнику, его намерениям, эмоциональному состоянию и особенностям ситуации общение способствует успешной реализации побудительного речевого акта и является необходимым условием эффективного установления контакта между участниками диалога.

В рамках исследования функционирования побудительных предложений в фатическом общении С. В. Былковой установлено, что в русской культуре допустимо сокращение дистанции между коммуникантами по сравнению с западными культурами. В связи с этим степень допустимого воздействия на собеседника и вмешательства в его личную зону существенно выше. Коммуникативное давление в русском обществе не воспринимается как нарушение этикетных норм, а представляет собой одну из ключевых характеристик русского коммуникативного поведения. Русские люди охотно участвуют в фатической беседе, задают личные вопросы, делают замечания как знакомым, так и незнакомым, могут критиковать и перебивать собеседника и т.д. [4].

Носители русского языка свободно используют в речи императивную форму, которая является одной из основных форм побуждения. Согласно исследованиям М. А. Егоровой, граждане, проживающие в России, проявляют значительно большую склонность к использованию императива при выражении просьб: примерно в 19 раз чаще по сравнению с англичанами и американцами [5].

Категориальная императивность проявляется в таких высказываниях, в синтаксической структуре которых сказуемое занимает специальные синтаксические или аналитические императивные формы глаголов несовершенного или совершенного вида как с отрицанием, так и без него [2].

В таких высказываниях наблюдается единая связь между языковым и речевым значениями побудительных высказываний, то есть явно выраженная императивная семантика. Автор приводит следующие примеры: «Послушайте, что вы по стенкам жметесь, присаживайтесь» (Поляков); «Прошу внимания! Ваше имение находится всего

в двадцати верстах от города» (Чехов); а также использование перформативов для установления контакта, например, в чеховском «Горе горькое», где герой, желая начать разговор, использует глагол повелительного наклонения «скажи», призывающий к ответу на последующий вопрос, а также применяет этикетную частицу «пожалуйста» для смягчения воздействия на эмоциональную сферу собеседника [4].

Косвенная или некатегориальная императивность представляет собой смысл, передаваемый через форму, которая имеет иное основное значение в определённых условиях функционирования и сопровождается особой интонацией. А. В. Бондарко отмечает, что иллокутивная направленность подобных форм не подкрепляется наличием явных морфологических средств выражения императива, поскольку формально в них отсутствует императивная форма слова. Семантическая основа таких высказываний сама по себе не выражает волеизъявление, а приобретает соответствующее значение под воздействием специфика-торов, характерных для микрополя побудительности [3, с. 71]. Синтаксические структуры, обладающие подобными характеристиками, получили название косвенных и имплицитных побудительных актов.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, использование косвенной речевой тактики может как соответствовать интересам собеседника, так и наносить ему вред [1, с. 29]. Автор обосновывает свое мнение тем, что в первом случае говорящий предпочитает избегать прямого выражения своих намерений, поскольку их открытое формулирование может усложнить взаимодействие со слушателем (например, использование косвенных вопросительных форм для выражения предложения). Во втором случае говорящий воздерживается от прямого выражения своей интенции, поскольку считает свою коммуникативную задачу

предосудительной (к примеру, использование высказываний с элементами угрозы, в реализации которых важны ролевые отношения между участниками диалога). В любом случае цель речевого поведения заключается в поддержании беседы, то есть в реализации фатической функции высказывания, которая играет значительную роль в побудительной речи.

В зависимости от выполняемых функций императивные конструкции можно классифицировать на два типа: 1. Специфические – те, которые всегда выражают побуждение; 2. Неспецифические – конструкции, способные передавать как побудительные, так и непобудительные речевые акты в зависимости от конкретной ситуации [4].

Прагматика побудительных высказываний в фатическом общении обусловлена контекстом и коммуникативными нормами, что находит отражение в их синтаксической реализации. Наряду с императивными конструкциями широко применяются вопросительные и повествовательные предложения с имплицитным побудительным значением, способствующие снижению степени директивности и обеспечивающие вежливый характер общения. Они используются говорящим в широком спектре коммуникативных ситуаций:

1. Привлечение внимания собеседника

Методы привлечения внимания собеседника чаще всего используются в побудительных конструкциях. Для акцентирования внимания к теме разговора говорящий применяет императивные формы глаголов, связанные преимущественно с визуальными и аудиальными восприятиями, такие как «послушай», «посмотри», «слушай», «гледай», «виж». В обоих языках указанные побудительные формы обычно занимают позицию предикатива в предложении и нередко используются вместе с

обращениями, что способствует усилению побудительного характера высказывания. В таких конструкциях для достижения максимально эффективного результата говорящий может использовать обращение по личному имени или уменьшительно-ласкательную форму, чтобы подчеркнуть личностный аспект коммуникации:

Русский язык:

Но, ***послушайте, голубчик вы мой****;* ***Посмотри, посмотри,*** *сюда* ***доктор****!(Куприн);* ***Голубчик, Андрей Ильич, да оставьте же, мой милый,*** *ну что за охота из-за глупостей расстраиваться (Куприн);* ***Послушай,*** *я понимаю, что тебе не хочется говорить. (Геласимов);* ***Послушай, Тимофей Митрофанович,*** *не слышишь ты какого шума? (Сергеев); Но все равно…* ***Послушай, Катюша,*** *как у тебя дела? Все в порядке? –Тронина);* ***Знаешь, Эва****, – говорил Алексей Гаврилович жене, – боюсь, не станет Павлик врачом, голова у него больно хороша…(Улицкая).*

Болгарский язык:

Гледай сега, пич*;* ***Слушай, ман****;* ***Виж, пич****;* ***Хей! Хей, чакай!****;* ***Слушай, брат****! (Карабашлиев);* ***Слушай, Седларов,*** *знаеш ли, че довечера профкомитетът при института устройва първомайска вечер?;* ***Слушай, Латинке,*** *няма да мръдна оттук!;* ***Слушай, приятелче,*** *искаш ли да те заведа на кино довечера?;* ***Слушай,*** *толкова ли е сериозна тая работа?;* ***Слушай,*** *хайде тоя път да не бъдем българи…;* ***Млечка, слушай ме, Млечка!****;* ***Слушай, миличка,*** *ти забравяш, че съдят сина му, а не него;* ***Виж какво, шефе*** *– започна той без да питат;* ***Я вижте!****... Колата на Игнатов… (Вежинов).*

2. Выражение готовности слушать собеседника / включиться в разговор

При фатическом общении исключительно важно активное участие всех коммуникантов. Во время речевой

интеракции часто собеседникам приходится удостоверять свое „сотрудничество“ в разговор. Нередко бывают ситуации, при которых один из участников уходит с места общения. Подобное его действие может послужит сигналом для другого коммуниканта, что первый не заинтересован или не хочет больше обсуждать данную тему, а также может быть воспринято и как проявление неуважения и нарушения вежливого, дружеского тона общения. Для предотвращения передачи некорректных сигналов, собеседник обычно подтверждает, что он по-прежнему активно участвует в обсуждении:

Русский язык:
– Я еще не договорил… Она вернулась в комнату, легла на диван. – ***Ты говори, я тебя слушаю****, – без сил прошептала она. (Тронина);*

Болгарский язык:
– Може ли да разменим две думи – запитвам полугласно, като го пресрещам. – Може и три – скланя великодушно застрахователят. – Бих желал – насаме. – И така бива, днеска съм на кеф. Усамотяваме се в кухнята. Идеята за кухнята му допада. – Тук има и нещо за гризкане – установява, като разтваря хладилника. – ***Ти си говори, слушам те*** *(Райнов); – Ало.* ***Слушай, брат.*** *Първо искам да те питам две неща. –****Давай.*** *– Стела знае ли нещо за това? – Стела я няма тук. – Ти си за убиване. – Знам. Няма кой. – И второто нещо… –* ***Казвай.*** *(Карабашлиев).*

В приведённом примере иллюстрируется ситуация телефонного разговора, в ходе которого собеседник подтверждает свою готовность к взаимодействию или подчёркивает, что технические параметры связи не мешают установлению контакта. Обычно собеседник использует

высказывания, не являющиеся побудительными предложениями или не выражающие непосредственной инициативы.

3. Изменение темы разговора

Свободное и лёгкое фатическое общение, осуществляемое в духе кооперации, допускает обсуждение разнообразных тем. Иногда, в целях поддержания дружественной атмосферы или установления более конструктивных предметов для обсуждения, один из участников предлагает сменить тему разговора. В первом примере участники беседы обсуждают инцидент, связанный с совершением убийства, а также его предполагаемого исполнителя. Однако данная тема уже исчерпана или вызывает у одного из собеседников снижение интереса, вследствие чего он предлагает сосредоточиться на подготовке ужина и организации приятного вечера за бокалом вина:

Русский язык:

– Если бы мы поняли, что именно так беспокоит тебе убийцу, легче было бы тебя защитить. – ***Все! Хватит об этом!*** *Где там моя хванчкара? А ты, великий кулинар, приступай к созданию бутербродов! (Дубровина).*

Во втором примере в процессе общения один из участников совершает действие (резко вставая и задевая пепельницу), в результате чего на оранжевом ковре появляется пятно. Последствия данного действия немедленно влияют на тему разговора. Очевидно, что хозяйка дома испытывает неудобство в связи с происходящим и не желает продолжать обсуждение инцидента. В связи с этим она принимает решение прервать разговор, использовав императивную форму высказывания:

Болгарский язык:

Той стана така рязко, че събори пепелника от малката масичка. Върху оранжевия килим се появи сиво, неясно петно. – Не исках! – каза той уплашено. – ***Остави това!*** *– каза тя с досада, макар да не изпускаше от погледа си пепелника (Вежинов).*

4. Выражение отношения к теме разговора

Во время общения собеседники испытывают потребность поделиться своим мнением по отношению к обсуждаемой теме разговора. Они свободны выражать различные состояния, связанные как с положительными, так и с отрицательными чувствами и эмоциями. В первом примере один из собеседников выражает полное несогласие с утверждением другого участника речевой интеракции и поэтому прибегает к использованию императивной формы высказывания с пресуппозицией *„запрещаю тебе так думать/считать“, „ты не прав“, „твои выводы не соответствуют действительности“* и т.д.:

Русский язык:

– Ты уверена, что все эти покушения не были выдуманы службой безопасности? – ***Не говори так! Ты не знаешь, насколько здесь всё серьёзно…*** *(Чижов).*

Во втором примере собеседник резко осуждает выводы говорящего, используя негативно оценочное обращение «глупако», которое прямо обвиняет его в глупости, а также в формировании поспешных и необдуманных заключений и выводов. В ходе развёртывания диалога собеседник проясняет ситуацию, из которой возникают и эмоциональные реакции, выражающие удивление услышанным фактом. В данной ситуации говорящий использует побудительную оболочку своего высказывания, которая в этом примере не выражает реального побуждения.

В болгарской разговорной практике это высказывание можно отнести к устойчивым, наряду с такими, как *я гледай, гледай ти, виж ти* и др. :

Болгарский язык:
*– Няма нужда да продължаваш – каза хирургът – Завел я на екскурзия и я бутнал от някаква скала… – **Не бързай, глупако, нищо подобно**…Нашият полковник има любовница – от шест години при това…Без никой да подозира…И при това хубаво момиче, около трийсетгодишно…Погледите на другите заблестяха. – **Я гледай!** – измърмори обидено професорът (Вежинов).*

5. Выражение заинтересованности в теме разговора

Проявление интереса к личной жизни собеседника, особенно в рамках коммуникации между близкими знакомыми, является одной из эффективных стратегий укрепления дружеских отношений. В устной речи русского и болгарского языков отмечается, что участники диалога зачастую используют побудительные формы высказываний для выражения своего искреннего интереса и нетерпения в получении конкретной информации. Во втором примере императивная форма высказывания служит стимулом для собеседника не откладывать передачу интересующих его данных:

Русский язык:
*Притянув к себе дрожащую Лизу, Роман отпустился на табурет, посадив ее к себе на колени. – **Рассказывай. Со всеми деталями и подробностями!** (Дубровина).*

Болгарский язык:
*– **Стига си протакал, сополанко!** – разсърди се първият старец, който безуспешно се опитваше да издуха носа си с*

*пръсти, без да пуска юздата. – **Разказвай какво стана!** (БНК).*

6. Демонстрация нежелания общения или нежелания вести разговор

Побудительные высказывания используются говорящими в русском и болгарском языках в ситуациях, когда один из участников общения не испытывает желания общаться. Это нежелание может быть вызвано как объективными, так и субъективными причинами. Нередко, например, один из участников общения занят другими делами и в данный момент не хочет, чтобы его отвлекали лишними разговорами (пример 4). Ожидаемое инициатором общение может не осуществиться и по ряду физических причин: собеседник спешит на работу; у него есть другие срочные дела; он испытывает физическую усталость, которая мешает ему вести разговор (примеры 1 и 3). Во втором примере, используя побудительное высказывание, собеседник запрещает говорящему вести какие-либо разговоры либо с целью аккуратно выполнять свои обязанности, либо с целью не вмешиваться в его личную жизнь:

Русский язык:

*1) – Кира? Привет, это я! – А-а, Паш, привет! **Слушай, извини, сейчас не могу говорить!** – Ну ладно. Пока! – Пока! (Сабитова); 2) – Барин, да вы никак не больны? Нам бы домой ехать – сказал несмело Митрофан. Эти слова вдруг привели Боброва в неистово, и он закричал хрипло: – **Не разговаривай, дурак!..Гони!..** (Куприн).*

Болгарский язык:

*3) – **Остави ме!** – Защо? – запита той и кръвта нахлу в неговото безкръвно лице. – Не съм разположена днес… – Та аз… – **Остави ме, не ме закачай!...** (Вежинов); 4) – Мина,*

знаеш ли какво е станало с твоята фризьорка? – Знам! – каза малко сухо жена му. – Защо не си ми казала? – ***Остави ме сега! – каза нетърпеливо Мина. – Не виждаш ли, че играя****…(Вежинов).*

7. Демонстрирация моральной поддержки собеседника

Согласно правилам этикетного речевого поведения проявление эмпатии и моральной поддержки собеседника во время общения во всех социумах считается образцом адекватной манеры социального поведения. На вербальном уровне оказание моральной поддержки собеседнику может рассматриваться как эффективная стратегия укрепления дружеских связей и проявление искренних чувств и сопереживания со стороны говорящего. В структуру побудительного высказывания говорящий вводит уменьшительно-ласкательные обращения, которые в дополнительной степени усиливают выражение его эмпатии (примеры 3 и 4). В подобных ситуациях побудительные высказывания приобретают силу доброжелательных советов (примеры 1, 2 и 5):

Русский язык:
1) – Все будет хорошо. Вот увидишь. ***Не переживай так!*** *Ты здоровая, красивая, справишься! И ребенка родишь здорового и красивого (Шишкин); 2) –* ***Ладно, не переживай, Николай Иванович****, – хмуро утешил его Страхов (Корнешов).*

Болгарский язык:
3) – ***Не си го слагай на сърце, братко, почини си и се връщай в службата, че без теб трудно се оправям*** *(БНК); 4) – Предполагам, че си смятал тази работа за тайна? – Аха. —* ***Окей, прави си пас, момчето ми. Не го вземай***

навътре *(БНК); 5) –* ***Не го вземай толкова трагично, Елза!*** *Той е свикнал. Пък си и заслужава (БНК).*

8. Выигрывание времени:

В устной коммуникации часто используется тактика языковой игры, позволяющая говорящему приобретать время с целью, например, побуждения собеседника к активному участию в диалоге (пример 1), а также для обдумывания последующих реплик или анализа конкретной ситуации (пример 2). В последнем примере инициатор общения даёт чёткий сигнал о недопустимости языковой игры со стороны собеседника в конкретной ситуации. Прерывая его высказывание, он выражает своё недовольство началом выступления собеседника. Императивная форма фразы *виж сега* в данном контексте не обладает иллокутивной силой побуждения к выполнению какого-либо действия:

Русский язык:

1) – Опять будем встречать кого-нибудь? – Совершенно верно. Угадайте кого? – Право, не знаю кого… Да я не мастер вовсе угадывать – сказал Бобров. – ***Нет, голубчик, отгадайте пожалуйста… Ну, хоть так, наугад, кого-нибудь назовите…*** *(Куприн)*

Болгарский язык:

2) – Та… как ти се струва? Можем ли да измислем нещо? – ***Виж сега…*** *–* ***Само не ми почвай с „виж сега“!*** *– прекъсвам го веднага – То ако е лесно, аз няма на теб да се обждам! Не ми се слушат такива! – Окей. – Окей. –* ***Чакай малко да помисля*** *– успокоява топката той. – Ще поразпитам, ще ти звънна веднага, когато имам нещо (Карабашлиев).*

9. Выражение желания совершить совместное действие

В дружеских беседах и разговорах нередко возникает идея совершения совместного действия. Инициатором реализации такого намерения обычно является один из участников общения, который чаще всего использует побудительную форму для осуществления своего замысла. Побуждение к выполнению конкретного действия может быть продиктовано личными интересами говорящего, интересами другого участника или общими для них интересами. В первом примере общение протекает в кооперативном режиме, а инициатор действия апеллирует к его выполнению исключительно в интересах собеседника. Сообщение о согласии на выполнение совместного действия в данной ситуации является индикатором успешности речевого акта и достижения перлокутивного эффекта:

Русский язык:

1) – Ах, доктор! Идите один. Я не пойду, не хочется – через силу отозвался Бобров. – Не пойдете? Вот так история!...Да что с вами, голубушка? Вы совсем раскисли – заговорил он серьезно и с участием – Ну, уж как хотите, а я вас не оставлю одного. ***Идем, идем, без всяких разговоров.*** *(Куприн).*

Во второй описанной ситуации общения инициатору действия представляется, что достижение конкретных целей, поставленных перед ним и его собеседником, в равной степени может быть может быть взаимовыгодным для обеих сторон. Его предложение выступает как альтернатива однообразной и скучной жизни участников общения:

Болгарский язык:

2) – Колко си събрал досега? – Двайсет бона. За две години! – ***Хайде да поразгледаме галериите!*** *– изправям се. – Аз*

имам няколко неща да свърша и ще се срещнем направо в Челси. (Карабашлиев).

10. Выражение оценки действия

Речевой обмен мнениями, безусловно, связан с выражением оценки действий обоих коммуникантов. Иногда высказанная оценка может привести общение к конфликту. Примеры таких ситуаций с использованием побудительных высказываний встречаются в литературе в контексте комментариев о курении. В приведенном примере (1) говорящий высказывает замечание относительно курения в виде приказа, что, по-видимому, незамедлительно вызывает негативную реакцию со стороны собеседника. В ответ другой участник коммуникации с целью проявления несогласия также прибегает к форме приказа, что приводит к превращению диалога в явный спор. В третьем и четвертом примерах, помимо использования приказа, собеседник применяет тактику угроз в отношении адресата. Во второй ситуации оценка действия одного из участников определяется однозначно в ответной реплике, где по отношению к инициатору собеседник употребляет разговорное обращение, семантика которого содержит выраженную негативную оценку:

Русский язык:

*1) – **Мужчина, бросьте курить, вы не у себя в доме!** – **Заткнись,** хочу и курю, у тебя спрашивать не буду. – Сейчас милицию позову, вас высадят. Как не стыдно! – Срал я на твою милицию, – но курить бросил, докурил папиросу или сделал вид, что бросил (НКРЯ).*

Болгарский язык:

*2) – Местата свободни ли са? Жени го погледна накриво: – **Я си гледай работата, келеш!...**Свободни маси колкото искаш…(Вежинов); 3) – Не мърдай! Спри! Хвърли*

оръжията! – ***А ти, хвърли това чудо! Или ще му пръсна главата!****(БНК); 4) С трепереци от вълнение ръце Льонка запали цигара. Петруха тутакси му изсъска: –* ***Хвърли я! Ще те пречукам, копеле!*** *(БНК).*

Примеры подтверждают точку зрения А. Николовой о том, что желание говорящего регулировать речевое поведение собеседника определённым образом почти всегда выражается эксплицитно. Поэтому в стандартной ситуации инициатор речи заинтересован в том, чтобы его намерение было однозначно и правильно понято адресатом. Формирование побудительного высказывания может быть мотивировано как объективными, так и субъективными факторами: оно зависит от целенаправленности общения, личностных мотивов и задач коммуникантов в конкретном акте общения, от презумпций, искренности, эмоционального состояния участников и других обстоятельств [7].

Для выявления специфики использования фатических единиц, выраженных побудительными высказываниями, необходимо проанализировать их применение на различных этапах стандартной ситуации фатического общения — в начале и в конце взаимодействия, а также в процессе поддержания речевой интеракции.

В начале речевого общения использование побудительных предложений связано с общепринятыми нормами в данном социуме. Наблюдения свидетельствуют, что такие предложения являются стереотипными этикетными языковыми единицами, применяемыми в определённых коммуникативных ситуациях, например: *проходите, садитесь, слышь, посмотри; влез, седни, кажи, заповядай* и др. Например, в ситуациях приглашения собеседника войти в место общения в обоих языках используются вежливые глагольные формы, побуждающие адресата к выполнению данного действия:

Русский язык:
Здравствуйте, – сказала Ольга, – я ваша соседка. – ***Проходите****, – ответила женщина. Ольга посмотрела на свои галоши со слоями налипшей грязи, на домотканую дорожку в прихожей. – Нет, спасибо, я на секундочку, – сказала она, – принесла вам рассаду. Мне уже сажать некуда. (Трауб); – А!.. Очень приятно, очень приятно! Милости просим,* ***проходите, пожалуйста, не стесняйтесь, будьте как дома****. Я ведь человек простой.* ***Садитесь, пожалуйста.*** *(Черкасов).*

Болгарский язык:
– Кой е? – попита старецът. – ***Влезте.*** *Влязох. – Извинете ме, че така ви се натрапвам – започнах аз. – Аз съм пътник и се нуждая от малко отдих (БНК); – Да имате цигари? – попита тя без капчица приветливост. –* ***Да… заповядайте… влезте…*** *– промърмори Андрей, отстъпвайки (БНК).*

В конце речевого общения обычно используются множество этикетных стереотипов, выраженных повелительными предложениями – *Будь осторожен!; Будь здоров!; Веди осторожно машину!; Заходи к нам почаще!; Еще раз заходи ко мне!; Бъди внимателен!; Бъди жив и здрав!; Карай внимателно!; Пак заповядай!; Отбий се пак* и др.:

Русский язык:
– ***Ну все, будь здоров, я пошла, не болей, не мучайся*** *(НКРЯ);* ***—*** *Пора, – говорю, – мама волнуется. –* ***Будь здоров,*** *– с трудом выговорил Рейнхард, – чао (НКРЯ).*

Болгарский язык:
– Време е да тръгвам, Руби – каза тя и набързо приключи със закуската си. – Ще се върна чак привечер. – Успех в работата, скъпа! ***И моля те, карай внимателно.*** *По*

пътищата е опасно. – Ще бъда внимателна (БНК); – Лек ден – подвикна след него Роузи. – ***Отбий се някой път.*** *Съвсем сериозно (БНК).*

Проведённое исследование показало, что побудительная интенция в фатическом общении является сложной и многоуровневой категорией, объединяющей регулятивные, апеллятивные, интеракциональные и оценочные функции. Синтаксические средства выражения побудительных актов, включая как прямые императивные конструкции, так и косвенные формы с имплицитным значением, обеспечивают гибкость коммуникации и поддержание фатической функции диалога.

Анализ русских и болгарских художественных текстов подтвердил, что выбор лексико-синтаксических конструкций зависит от социальных норм, межличностных отношений и коммуникативной ситуации. Использование стандартных этикетных форм в начале и конце общения, а также вариативных конструкций в процессе поддержания диалога позволяет эффективно регулировать действия адресата, выражать эмоциональное отношение, демонстрировать заинтересованность и моральную поддержку, а также управлять течением разговора.

Выявлено, что синтаксическая вариативность побудительных высказываний обеспечивает как прямое воздействие на адресата, так и возможность мягкого, косвенного побуждения, что особенно важно для поддержания дружелюбного и кооперативного характера фатического общения. Таким образом, прагматический потенциал побудительных актов напрямую связан с их лексико-синтаксической организацией и выполняет ключевую роль в достижении коммуникативных целей и укреплении межличностных контактов в литературной практике русского и болгарского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике, Москва, 1985. С. 21–38.
2. Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке, автореф. Дис. Докт, филол, наук. Москва, 1992.
3. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст, Москва 1971, 113 с.
4. Былкова С. В. Функционирование побудительных предложений в фатическом общении // Вестник ИрГТУ №10 (93) 2014, С. 288–292.
5. Егорова М. А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиции: Автореф. дис. канд. филол. наук., Воронеж, 1995.
6. Кригер Е. И. К вопросу о прагматической функции языковых единиц // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 11 URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/11/93898 (дата обращения: 30.12.2025).
7. Николова А. К вопросу об интенциональной структуре директивного речевого акта // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков, вып. 2, Шумен, 2003, С. 174–197.
8. Силкова Е. К. Прагматический потенциал языковых единиц // Научный аспект. 2024. № 6. Филология и лингвистика. УДК 81. URL: https://na-journal.ru/6-2024-filologiya-lingvistika/13733-pragmaticheskii-potencial-yazykovyh-edinic (дата обращения: 11.01.2026).
9. Сулейманова О. А., Борботько Л. А. Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024, 21 (4).С. 919–929. URL: https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.409 (дата обращения: 11.01.2026).

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) https://ruscorpora.ru/
Български национален корпус (БНК) https://dcl.bas.bg/bulnc/

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike, Moskva, 1985. S. 21–38.

2. Biryulin L. A. Teoreticheskie aspekty semantiko-pragmaticheskogo opisaniya imperativnyh vyskazyvanij v russkom yazyke, avtoref. Dis. Dokt, filol, nauk. Moskva, 1992.
3. Bondarko A. V. Grammaticheskaya kategoriya i kontekst, Moskva 1971, 113 s.
4. Bylkova S. V. Funkcionirovanie pobuditelynyh predlozhenij v fatiches-kom obshchenii // Vestnik IrGTU №10 (93) 2014. S. 288–292.
5. Egorova M. A. Kontrastivno-pragmaticheskij analiz sposobov realizacii prosyby: sopostavlenie britanskoj, amerikanskoj i russkoj tradicii: Avtoref. dis. kand. filol. nauk., Voronezh, 1995.
6. Kriger E. I. K voprosu o pragmaticheskoj funkcii yazykovyh edinic // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2020. № 11. URL: https://web.snauka.ru/issues/2020/11/93898 (data obrashcheniya: 30.12.2025).
7. Nikolova A. K voprosu ob intencionalynoj strukture direktivnogo rechevogo akta // Problemy kognitivnogo i funkcionalynogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov, vyp. 2, Shumen, 2003. S. 174–197.
8. Silkova E. K. Pragmaticheskij potencial yazykovyh edinic // Nauchnyj aspekt. 2024. № 6. Filologiya i lingvistika. UDK 81. URL: https://na-journal.ru/6-2024-filologiya-lingvistika/13733-pragmaticheskii-potencial-yazykovyh-edinic (data obrashcheniya: 11.01.2026).
9. Sulejmanova O. A., Borbotyko L. A. Diskursivnyj analiz i pragmatika: vozmozhno li provesti granicu? Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2024, 21 (4). S. 919–929. URL: https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.409 (data obrashcheniya: 11.01.2026).

SOURCES

1. Nacionalynyj korpus russkogo yazyka (NKRYa) https://ruscorpora.ru/
2. Balgarski nacionalen korpus (BNK) https://dcl.bas.bg/bulnc/

Надежда Стойкова Стойкова
доцент, доктор филологии,
Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского
г. Шумен, Болгария
Nadezhda Stoykova Stoykova
Assoc. Prof., PhD,
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria
n.stoykova@shu.bg
ORCID: 0000-0002-3315-3703
Researcher ID: C-1122-2017

ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РУССКО-БОЛГАРСКОГО СЛОВАРЯ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Терзиева Татьяна

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические основы терминографического моделирования двуязычного (русско-болгарского) словаря автомобилестроения в контексте современных тенденций развития отраслевой лексикографии. Особое внимание уделяется когнитивному и переводческому аспектам представления терминологического знания, выявлению и лексикографической фиксации переводческих трудностей, возникающих в условиях близкородственного двуязычия, а также вопросам систематизации и стандартизации специальной лексики в условиях цифровизации. В работе анализируются принципы отбора, структурирования, описания и перевода терминов, функционирующих в области автомобилестроения, рассматриваются возможности использования современных цифровых технологий, электронных терминологических баз данных, а также возможности применения технологий искусственного интеллекта и больших языковых моделей для автоматического извлечения терминов и диагностики зон межъязыковой интерференции. Обосновывается необходимость снабжения словарных статей развернутыми дефинициями, контекстными иллюстрациями и комментариями для повышения точности технического перевода.

Ключевые слова: терминография; терминографическое моделирование; отраслевая терминология; автомобилестроение; русско-болгарский словарь; перевод терминов автомобилестроения; искусственный интеллект в терминографии.

https://doi.org/10.46678/RNVL3329

TERMINOGRAPHIC MODELLING OF A RUSSIAN–BULGARIAN AUTOMOTIVE DICTIONARY: COGNITIVE AND TRANSLATION ASPECTS

Terzieva Tatyyana

Abstract: This article examines the theoretical and practical foundations of terminographic modelling of a bilingual (Russian–Bulgarian) automotive dictionary in the context of current trends in the development of sector-specific lexicography. Particular attention is paid to the cognitive and translation-related aspects of representing terminological knowledge, the identification and lexicographical recording of translation difficulties arising in the context of closely related bilingualism, as well as issues of systematisation and standardisation of specialist vocabulary in the context of digitalisation. The paper analyses the principles of selecting, structuring, describing and translating terms used in the automotive industry; it examines the potential for utilising modern digital technologies, electronic terminology databases, as well as the potential for applying artificial intelligence and large language models to automatically extract terms and diagnose areas of interlingual interference. The paper justifies the need to provide dictionary entries with detailed definitions, contextual examples and comments in order to improve the accuracy of technical translation.

Key words: terminography; terminographic modelling; sector-specific terminology; automotive engineering; Russian–Bulgarian dictionary; translation of automotive engineering terms; artificial intelligence in terminography.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития науки и техники характеризуется не только ростом специализированных знаний, но и интенсивным технологическим обновлением той или иной отрасли, что является предпосылкой стремительного расширения ее терминологического аппарата. Особенно динамично данный процесс наблюдается в сфере автомобилестроения, которая в последние десятилетия

подвергается значительным технологическим трансформациям. Появление новых понятий, связанных с внедрением цифровых систем управления, цифровизацией производства, электрификацией транспорта, электромобильных технологий, автоматизированными транспортными системами и развитием искусственного интеллекта, обусловливает необходимость систематизации специальной лексики и разработки современных терминологических ресурсов.

В условиях интернационализации экономики, активизации и интеграции международного профессионального взаимодействия возрастает потребность в качественных двуязычных и полиязычных терминологических ресурсах, обеспечивающих точность передачи специальной информации. Данная проблема представляет особый интерес в контексте анализа терминологических систем, поскольку затрагивает теоретические и прикладные аспекты взаимодействия терминосистем в области науки, техники, образования и профессиональной переводческой деятельности.

Создание современного русско-болгарского терминологического словаря автомобилестроения предполагает не только фиксацию терминологических соответствий между двумя языками, но и моделирование системы профессиональных знаний, отражающей концептуальную организацию соответствующей предметной области. В этой связи терминографическая деятельность выходит за рамки традиционной лексикографии и приобретает междисциплинарный характер, объединяя достижения терминоведения, когнитивной лингвистики, переводоведения и цифровой гуманитаристики.

Цель настоящего исследования заключается в обосновании принципов терминографического моделирования русско-болгарского словаря автомобилестроения с учетом когнитивных и переводческих особенностей представления отраслевого знания.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: 1) определить место терминологического словаря в системе современных лексикографических ресурсов; 2) охарактеризовать терминологию автомобилестроения как объект двуязычного описания; 3) выявить когнитивные основания структурирования терминологии отрасли автомобилестроения; 4) проанализировать переводческие приемы при передаче терминов автомобилестроения на материале русского и болгарского языков; 5) определить перспективы использования цифровых технологий при создании специализированных терминологических ресурсов.

Научная новизна исследования заключается в разработке модели терминографического описания русско-болгарской терминологии автомобилестроения, основанной на интеграции когнитивного, переводоведческого и цифрового подходов. В отличие от традиционных двуязычных терминологических словарей предлагаемая модель ориентирована не только на представление переводных соответствий, но и на системное описание концептуальных связей между специальными понятиями, использование современных цифровых терминологических ресурсов и возможность последующей интеграции словаря в электронную информационно-образовательную среду.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при разработке специализированных двуязычных терминологических словарей, в практике перевода научно-технической документации, при подготовке переводчиков и специалистов технического профиля, а также в преподавании терминоведения, лексикографии и теории отраслевого перевода.

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛЫ

В общей сложности эмпирическую базу исследования составляют более 250 русских и болгарских терминологических единиц, отобранных из специализированной научной литературы, отраслевых словарей, руководств по эксплуатации автомобилей, технической и нормативной документации, международных терминологических баз данных, современных публикаций по рассматриваемой проблематике, специализированных интернет-ресурсов, а также ранее собранный и частично описанный автором в словаре "Краткий русско-болгарский словарь–справочник (термины и определения основных понятий в области автомобилестроения и приборостроения) / Кратък руско-български речник–справочник (термини и определения на основните понятия в областта на автомобилостроенето и приборостроенето)" [16]. Эмпирический материал включает однословные термины и многокомпонентные термины – терминологемы[1] (терминологические сочетания; составные термины) [14, с. 260]. Особое внимание уделяется терминологическим единицам, отражающие новейшие направления развития автомобилестроения (электромобили, интеллектуальные транспортные системы, технологии искусственного интеллекта), а также случаям полной, частичной и нулевой эквивалентности при переводе терминов данной области с русского на болгарский язык.

Результаты исследования показали, что 38 % терминов представляют собой англоязычные заимствования, 42 % образованы посредством калькирования, а 20 %

[1] Терзиева Т. В. Специфика терминологических словосочетаний (на материале терминов автомобилестроения). *Езикът на науката. Науката за езика.* Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Мария Попова. София: Издателство на БАН "Проф. Любомир Андрейчин", 2017, с. 253 -262. ISBN 978-954-322-891-1

относятся к национальным терминологическим эквивалентам, сформированным на базе собственных словообразовательных ресурсов русского и болгарского языков.

Полученные данные подтверждают ведущую роль английского языка в процессах международной терминологической номинации и одновременно свидетельствуют о стремлении национальных терминологических систем к сохранению собственных средств концептуализации специального знания.

В работе используются описательный, когнитивный, сравнительно-сопоставительный, терминографический и переводческий методы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ СЛОВАРЕЙ

В последние десятилетия терминография развивается как самостоятельное междисциплинарное направление научных исследований, находящееся на пересечении лексикографии, терминоведения, когнитивной лингвистики, теории и практики перевода, информационных технологий. Если традиционная терминография была ориентирована преимущественно на фиксацию и систематизацию терминологических единиц, то современные исследования рассматривают специализированный словарь как инструмент представления профессионального знания и моделирования концептуальной структуры определенной предметной области.

По мнению С. В. Гринева-Гриневича, терминологический словарь представляет собой не просто собрание специализированной лексики, а как динамическая репрезентация системы понятий конкретной области знания, организованной в соответствии с логическими, семантическими и функциональными взаимосвязями между входящими в него единицами [2, с. 22]. В связи с этим особое

значение приобретает проблема построения словарей, способных отображать не только языковые соответствия между терминами, но и концептуальные отношения между обозначаемыми ими понятиями.

Современная терминография характеризуется рядом тенденций, среди которых особое место занимают цифровизация лексикографических ресурсов, интеграция корпусных технологий, использование автоматизированных методов обработки терминологических данных и разработка многофункциональных электронных словарей. Исследователи отмечают, что переход от печатных словарей к электронным платформам значительно расширяет возможности представления терминологической информации, позволяя включать в словарную статью гипертекстовые связи, иллюстративный материал, мультимедийные элементы и дополнительные сведения о функционировании термина в профессиональном дискурсе [5, с. 42].

Особую актуальность приобретает развитие цифровой терминографии, предполагающей создание специализированных баз данных, интегрированных с электронными корпусами текстов и системами автоматизированного перевода. В условиях цифровой экономики терминологические ресурсы всё чаще используются не только человеком, но и различными программными средствами обработки естественного языка. В результате терминологический словарь превращается в важный элемент информационной инфраструктуры профессиональной коммуникации [10, с. 12–15].

Для отрасли современного автомобилестроения данная тенденция имеет особое значение, поскольку она представляет собой высокотехнологичную сферу деятельности, объединяющую достижения механики, электроники, информационных технологий, материаловедения, робототехники и т.д. Соответственно, терминологическая система

данной области постоянно пополняется новыми единицами, отражающими инновационные процессы и технологические изменения.

В последние годы в рассматриваемой области знания широкое распространение получили термины, связанные с электрическим транспортом, автономными системами управления и цифровыми технологиями. К ним относятся такие номинации, как *электромобиль*, *гибридный привод*, *электромеханическая трансмиссия*, *система автономного вождения*, *интеллектуальная транспортная система*, *цифровой двойник транспортного средства*, *система машинного зрения*, *блокчейн в автопроме*, *телематика*, *кибербезопасность*, *роботизация*, *облачные технологии* и мн. др. Значительная часть подобных терминов формируется под влиянием английского языка, что нередко вызывает необходимость их адаптации и стандартизации в национальных терминологических системах [1, с. 110–112; 4, с. 40–43; 11].

В этих условиях одной из важнейших задач современной терминографии становится обеспечение терминологической гармонизации и унификации специальной лексики. Под терминологической гармонизацией понимается процесс согласования терминологических систем различных языков с целью обеспечения однозначного понимания профессиональной информации специалистами разных стран. Для русско-болгарского языкового пространства такая задача приобретает особую значимость ввиду близкородственности данных языков, которая, с одной стороны, облегчает межъязыковое взаимодействие, а с другой – может становиться причиной возникновения ложных эквивалентов и терминологических расхождений.

Современный отраслевой словарь должен учитывать не только языковые характеристики терминов, но и особенности их функционирования в профессиональной среде. В

этой связи возрастает роль когнитивного подхода, согласно которому термин рассматривается как средство репрезентации специального знания и элемент профессиональной картины мира специалиста. Следовательно, терминографическое описание должно отражать не только дефиницию термина, но и его место в системе профессиональных понятий.

Таким образом, современные тенденции развития терминографии свидетельствуют о переходе от традиционных способов описания терминологии к комплексному моделированию отраслевого знания, основанному на интеграции лингвистических, когнитивных, переводческих и информационно-технологических подходов. Именно такой подход представляется наиболее перспективным при разработке отраслевого терминографического продукта.

КОГНИТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ КАК ОСНОВА ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Современная когнитивная лингвистика рассматривает язык не только как средство коммуникации, но и как инструмент хранения, обработки и передачи знаний. В рамках данного подхода термин выступает не просто языковой единицей, обозначающей специальное понятие, а средством репрезентации профессионального знания, закреплённого в сознании специалистов определённой предметной области.

Согласно когнитивному подходу, терминология любой научной или технической отрасли представляет собой особую концептуальную систему, отражающую результаты познавательной деятельности человека. Каждая терминологическая единица соотносится с определённым фрагментом профессиональной картины мира и занимает своё место в общей системе знаний о соответствующей предметной области [9, с. 57].

Применительно к автомобилестроению можно говорить о формировании сложной многоуровневой концептуальной структуры, включающей совокупность взаимосвязанных понятий, описывающих устройство транспортного средства, производственные процессы, техническое обслуживание, безопасность эксплуатации, управление качеством, цифровые технологии и логистические процессы.

С точки зрения когнитивного моделирования центральным концептом рассматриваемой терминологической системы выступает концепт “автомобиль”, вокруг которого организуется сеть взаимосвязанных терминологических подсистем. Данный концепт в широком понимании может быть представлен в виде нескольких крупных тематических блоков: 1) конструкция транспортного средства; 2) силовые установки; 3) трансмиссия; 4) ходовая часть; 5) системы управления; 6) электрооборудование; 7) технологии производства; 8) контроль качества; 9) эксплуатация и обслуживание; 10) цифровые и интеллектуальные технологии.

Каждый из указанных тематических блоков образует самостоятельный фрагмент отраслевой концептосферы и характеризуется наличием собственных терминологических микросистем. Так, например, концепт “силовая установка” включает следующие группы терминов: *двигатель внутреннего сгорания*, *бензиновый двигатель*, *дизельный двигатель*, *электрический двигатель*, *гибридная силовая установка*, *система рекуперации энергии*, *аккумуляторная батарея*, *система управления двигателем* и т.д. Концепт “трансмиссия” объединяет такие термины, как: *коробка передач*, *автоматическая трансмиссия*, *механическая трансмиссия*, *сцепление*, *карданная передача*, *дифференциал*, *ведущий мост* и др. Особый интерес для современных исследований представляет концепт “интеллектуальный автомобиль”, который активно формируется в последние

годы под влиянием цифровой трансформации транспортной отрасли. В его структуру входят такие термины как: *автономное вождение*, *система машинного зрения*, *лидар*, *цифровой двойник*, *искусственный интеллект*, *интеллектуальная система управления транспортным средством*, *навигационный модуль*, *телематическая система* и др.

Следовательно, терминосистема автомобилестроения характеризуется не только высокой степенью структурированности, но и постоянной динамикой развития. Возникновение новых технологий приводит к формированию новых концептов и, соответственно, новых терминологических единиц, которые требуют своевременного описания и стандартизации.

С позиции когнитивной терминографии специализированный словарь должен отражать данные концептуальные связи. В отличие от традиционного алфавитного расположения терминов, тематическая организация материала позволяет пользователю воспринимать термин не изолированно, а в системе профессиональных знаний. Подобный принцип способствует более эффективному усвоению специальной лексики и формированию целостного представления о соответствующей предметной области.

Особенно важным данный подход является при создании двуязычных терминологических словарей. Пользователь получает возможность не только установить переводческое соответствие между русским и болгарским терминами, но и понять место каждого понятия в общей концептуальной структуре отрасли.

С точки зрения терминографического описания терминологии рассматриваемой области когнитивный подход позволяет учитывать, как универсальные характеристики профессионального знания, так и национально-специфические особенности его языковой репрезентации.

Несмотря на близость русского и болгарского языков, процессы концептуализации и терминологической номинации могут иметь определённые различия, обусловленные историей развития соответствующих научно-технических школ, особенностями профессионального дискурса и национальными стандартами.

Таким образом можно отметить, что когнитивное моделирование становится важнейшим принципом построения современного русско-болгарского словаря автомобилестроения. Оно обеспечивает системное представление отраслевого знания, способствует формированию профессиональной компетентности пользователей и создаёт предпосылки для более эффективной межъязыковой и межкультурной профессиональной коммуникации.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ В РУССКО-БОЛГАРСКОМ СЛОВАРЕ

В условиях развития международного научно-технического сотрудничества особое значение приобретает проблема адекватной передачи отраслевой терминологии между различными языками. Автомобилестроение, как уже было отмечено выше, относится к числу наиболее динамично развивающихся отраслей промышленности, что обусловливает постоянное обновление её терминологического аппарата и требует совершенствования средств межъязыковой профессиональной коммуникации.

Перевод специальной терминологии представляет собой один из наиболее сложных видов профессионального перевода, поскольку требует не только высокого уровня языковой компетенции, но и глубокого понимания соответствующей предметной области. Ошибки в передаче технических терминов могут привести к искажению профессиональной информации, нарушению производственных процессов, неправильной эксплуатации оборудования и

возникновению коммуникативных барьеров между специалистами.

Несмотря на то, что русский и болгарский языки являются близкородственными, перевод автомобильной терминологии нередко сопровождается рядом трудностей, обусловленных особенностями развития национальных терминологических систем. В первую очередь это касается случаев частичной эквивалентности терминов, различий в профессиональном употреблении, а также влияния английского языка как основного источника международной технической терминологии.

Одной из центральных проблем отраслевого перевода является установление степени эквивалентности между терминологическими единицами двух языков.

В классических теориях перевода эквивалентность рассматривается с различных позиций: как отношение между единицами исходного языка и языка перевода, как степень сохранения содержания оригинала, как функциональная соотнесенность исходного и переводного текстов, как коммуникативное равенство, либо как результат взаимодействия нескольких факторов. Различия в подходах свидетельствуют о том, что эквивалентность вряд ли может быть сведена к простой замене единицы одного языка единицей другого [6; 7; 8; 21].

Традиционная трактовка понятия межъязыковой эквивалентности опирается на текстоцентрический подход, при котором ключевым критерием выступает функциональное соответствие элементов двух или более языков в пределах данного контекста. При этом признается, что в процессе перевода межъязыковая эквивалентность воспринимается как максимально возможная степень идентичности между исходным и переводным текстом, ограниченная структурно-семантическими различиями языковых систем [12, с. 14].

Многообразие существующих трактовок понятия эквивалентности обусловлено прежде всего сложностью самого феномена перевода, который предполагает установление отношений соответствия не только между отдельными единицами двух языков, но и между самим контекстом, коммуникативными намерениями, функционально-стилистическими характеристиками и культурно обусловленными способами представления информации. По отношению к переводу специализированных текстов к перечисленным параметрам обязательными требованиями становятся сохранение понятийной точности и терминологической системности, что, в свою очередь, способствует полной адаптации функционально-терминологического содержания исходного текста.

В теории перевода принято различать различные типы эквивалентности, к которым относятся полная, частичная, ложная и нулевая (безэквивалентная). К типу полной эквивалентности относятся структурно-семантические совпадения, когда эквиваленты полностью совпадают по форме и содержанию. Частичная эквивалентность предполагает ограниченное соответствие, часто обусловленное различиями в языковых картинах мира или культурными факторами. Отсутствие эквивалентности требует разработки специальных переводческих приемов – компенсации, адаптации, калькирования и других стратегий, направленных на восполнение семантических и прагматических пробелов [22, с. 160–161].

Фундаментальные теории межъязыковой эквивалентности базируются на работах таких авторов, как

Ю. И. Рецкер[2], А. В. Фёдоров[3], В. Н. Комиссаров[4], Р. О. Якобсон[5], А. Д. Швейцер и мн. др. исследователей, заложивших теоретические основы данной области знания [4; 13; 20; 21; 23]. Авторы подчеркивают, что эквивалентность – это не только формальное совпадение, но и взаимосвязь значений, функций и стилей, реализуемая в

[2] Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., Москва: "Р. Велент", 2007, 244 с. Автор предлагает систематизацию полных и частичных соответствий, аргументированно доказывая приоритетность поиска функциональных аналогов перед стремлением к буквальному воспроизведению исходного текста.

[3] Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Фёдоров. 4-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Филилогический факультет СПбГУ; Москва: Издательский център “Академия”, 2008, 416 с. В основе его подхода лежит тезис о контекстуальной зависимости эквивалентов при сопоставлении системных и текстовых элементов, и что подбор адекватного эквивалента невозможен вне учёта контекстуальных факторов.

[4] Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высш.шк., 1990, 253 с. Автор рассматривает категорию межъязыковой эквивалентности как уровневую модель, при которой достигается смысловая близость между оригиналом и переводом. Суть данной теории заключается в том, что переводческая эквивалентность – это не единая константа, а спектр, где на каждом уровне сохраняется определённая часть содержания оригинала. Также автор различает два понятия: потенциально достижимая эквивалентность, под которой следует понимать максимальную общность содержания текстов, допустимую различиями языков и переводческая эквивалентность, т.е. реальная смысловая близость, которую переводчик фактически достигает в конкретном тексте.

[5] Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва: Международные отношения, 1978, с. 16–24. Автор разграничивает три типа перевода: внутриязыковой (интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка, напр. переименование или перефраз), межъязыковой (интерпретация вербальных знаков посредством другого языка) и межсемиотический (трансмутация) – (перевод на знак иной семиотической системы, например, с языка на математические символы). Р. О. Якобсон сформулировал принцип, который назвал “эквивалентность при существовании различия”. Автор утверждает, что полная эквивалентность между языками недостижима, поскольку каждый язык обладает уникальной структурой, словарным запасом и культурным контекстом.

процессе сложного коммуникативного акта с учётом культурных и языковых особенностей сторон перевода.

Для целей данной работы принципиально важно провести разграничение между формальным соответствием и переводческой эквивалентностью. Особенно отчетливо необходимость такого разграничения проявляется при сопоставлении близкородственных языков. Несмотря на то, что генетическая близость русского и болгарского языков, наличие обширного общего лексического фонда, сходство в словообразовательных моделях и формально близких терминологических единицах на первый взгляд должны существенно упрощать процесс перевода. Практика, однако, свидетельствует о двойственной природе влияния языковой близости. С одной стороны, данное явление способствует эффективному распознаванию значительной части терминологии и позволяет устанавливать прямые межъязыковые параллели. С другой стороны, именно внешнее сходство языковых единиц зачастую становится причиной переводческой интерференции, формируя ошибочное представление об эквивалентности (иллюзия эквивалентности), при отсутствии полного понятийного или функционального совпадения. Формальное сходство рассматриваемой языковой пары, хотя и облегчает первичную идентификацию значения, не является самодостаточным основанием для выбора адекватного переводческого соответствия [19].

В рассматриваемой области полная эквивалентность наблюдается в тех случаях, когда русскому термину соответствует болгарский термин, обозначающий идентичное понятие и функционирующий в сходных коммуникативных условиях: рус. яз. *двигатель* – болг. яз. *двигател*; рус. яз. *трансмиссия* – болг. яз. *трансмисия*; рус. яз. *дифференциал* – болг. яз. *диференциал*; рус. яз. *аккумулятор* – болг. яз. *акумулатор*; рус. яз. *шасси* – болг. яз. *шаси* и др.

Подобные соответствия наиболее характерны для базовой технической терминологии, сформировавшейся под влиянием общих научно-технических традиций и международных стандартов.

Частичная эквивалентность возникает в ситуациях, когда объём понятий в рассматриваемых языках совпадает не полностью, либо различаются особенности их профессионального употребления. В подобных случаях словарная статья должна содержать дополнительные пояснения, комментарии или дефиниции, позволяющие избежать неоднозначного толкования термина. Так, русскому термину *силовой агрегат* соответствует болгарское сочетание *силов агрегат*, однако в болгарской технической литературе данный термин нередко употребляется преимущественно по отношению к двигателю и связанным с ним системам, тогда как в русской профессиональной коммуникации он может включать более широкий комплекс узлов, обеспечивающих передачу мощности. Аналогичная ситуация наблюдается при переводе термина *ходовая часть*, которому соответствует болгарский термин *ходова част*. Несмотря на формальное совпадение, объём понятия может варьироваться в зависимости от используемой технической документации и национальных стандартов, включая или исключая отдельные элементы *подвески*, *рулевого управления* и *трансмиссии*. Частичной эквивалентностью характеризуется и термин *силовая установка* (*силова установка*). В современной русской автомобильной терминологии он активно используется применительно к двигателям внутреннего сгорания, гибридным и электрическим приводам, тогда как в болгарских источниках выбор конкретного термина во многом определяется типом транспортного средства и спецификой технического описания. Интерес представляет термин *привод*, который в русском языке обозначает как *механизм передачи движения* (*полный привод*, *передний*

привод, *задний привод*), так и устройство, обеспечивающее выполнение определённой функции (*электропривод*, *гидропривод*). В болгарском языке данные значения, как правило, разграничиваются посредством различных терминов: *задвижване*, *електрозадвижване*, *хидравлично задвижване*, что требует более детального лексикографического описания. Определённые различия обнаруживаются и при переводе термина *подвеска* (*окачване*). Несмотря на общепринятое соответствие, в ряде русских технических текстов термин может использоваться в более широком значении, включая элементы, которые в болгарской специализированной литературе описываются отдельными наименованиями.

К группе частично эквивалентных относятся также такие термины как: рус. яз. *бортовая сеть* – болг. яз. *бордова електрическа мрежа*, рус. яз. *блок управления* – болг. яз. *управляващ блок*, рус. яз. *ведущий мост* – болг. яз. *задвижващ мост*, рус. яз. *система впрыска* – болг. яз. *система за впръскване*, рус. яз. *рулевое управление* – болг. яз. *кормилно управление*, рус. яз. *электронный блок управления* – болг. яз. *електронен блок за управление* и др. В большинстве случаев различия такого типа обусловлены предъявляемыми к терминологическим единицам требованиям, описанные в определённых отраслевых стандартах, а также и традициями профессионального употребления.

Проведённый анализ показывает, что частичная эквивалентность наиболее характерна для многокомпонентных терминов, обозначающих сложные технические объекты, процессы и функциональные системы автомобиля. Именно поэтому при разработке русско-болгарского терминологического словаря представляется целесообразным сопровождать подобные единицы не только переводным соответствием, но и развёрнутой дефиницией,

указанием сферы употребления, контекстными примерами и переводческими комментариями, позволяющими минимизировать риск терминологической интерференции и обеспечить адекватное понимание специальной информации.

Особого внимания заслуживают случаи безэквивалентной терминологии, которые при переводе создают значительные трудности. Они возникают преимущественно при обозначении новых технологических решений, инновационных производственных процессов, цифровых сервисов или специфических элементов национальных нормативно-технических систем, для которых в языке перевода ещё не сформировалось устойчивое терминологическое соответствие. В подобных ситуациях переводчик вынужден использовать различные переводческие стратегии: транслитерацию, калькирование, описательный перевод, создание нового терминологического соответствия или подбор функционального аналога.

Так, в современной автомобильной промышленности активно распространяются термины английского происхождения *drive-by-wire*, *brake-by-wire*, *steer-by-wire*, обозначающие электронные системы управления автомобилем без традиционной механической связи между органами управления и исполнительными механизмами. В русском и болгарском языках данные понятия пока не имеют полностью унифицированных терминологических эквивалентов, вследствие чего в технической документации встречаются различные варианты перевода: рус. яз. – *электронная система управления рулевым механизмом*, *рулевое управление по проводам*; болг. яз. – *електронно управление на кормилната система*, *кормилно управление без механична връзка* и др.

К числу безэквивалентных или недостаточно стандартизированных терминов относятся также *range*

anxiety (опасение недостаточного запаса хода электромобиля), *range extender* (дополнительный генератор для увеличения запаса хода), *vehicle-to-everything* (*V2X*) (технология взаимодействия транспортного средства с окружающей цифровой инфраструктурой), *platooning* (автоматизированное движение колонны транспортных средств), *geofencing* (технология виртуального географического ограничения зоны эксплуатации транспортного средства), *over-the-air diagnostics* (удалённая диагностика программного обеспечения автомобиля), *battery swapping* (автоматизированная замена тяговой аккумуляторной батареи), *predictive maintenance* (предиктивное техническое обслуживание), *digital cockpit* (цифровая кабина водителя), *software-defined vehicle* (*SDV*) (автомобиль, функциональность которого определяется программным обеспечением).

При переводе подобных терминов наблюдается значительная степень вариативности. Например, термин *software-defined vehicle* переводится как *программно-определяемый автомобиль*, *автомобиль с программно-определяемой архитектурой*, *автомобиль, управляемый программным обеспечением*, тогда как в болгарских источниках встречаются варианты *софтуерно дефиниран автомобил*, *автомобил със софтуерно управлявана архитектура* и *автомобил, определян от софтуера*. Аналогичная ситуация наблюдается при переводе терминов *digital cockpit*, *battery swapping*, *platooning* и ряда других инновационных номинаций, терминологическое утверждение и фиксация которых находится на стадии становления.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что наиболее интенсивно безэквивалентная лексика формируется в четырёх тематических группах рассматриваемой области: автономное управление транспортными средствами; электромобильность; программно-определяемые транспортные средства и интеллектуальные транспортные системы.

Именно эти направления являются основными источниками появления новых терминологических единиц, требующих последующей стандартизации и лексикографического описания. Их систематизация и разработка унифицированных переводных соответствий сможет обеспечить единообразное использование терминов в научно-технической и производственной документации, а также в процессе профессионального общения.

Как уже было отмечено выше, существенную проблему для переводчика представляют терминологические заимствования английского происхождения. Современная автомобильная терминология характеризуется высокой степенью интернационализации, вследствие чего многие новые понятия первоначально функционируют в англоязычной форме. В русской и болгарской терминологических системах можно наблюдать параллельное использование национальных и заимствованных вариантов: *стартап – стартъп*; *телематика – телематика*; *парктроник – парктроник* и др. Подобная вариативность свидетельствует о продолжающемся процессе терминологической адаптации и требует системного описания в двуязычных словарях.

Анализ эмпирического материала показывает, что в русской и болгарской терминологических системах наблюдаются различные способы адаптации англоязычных инновационных терминов. Часть из них переводится посредством калькирования (*digital twin – цифровой двойник – цифров близнак*), часть – с помощью описательного перевода (*vehicle-to-infrastructure communication – технология взаимодействия транспортного средства с инфраструктурой – взаимодействие между превозното средство и инфраструктурата*), а некоторые термины сохраняют значительную степень сходства с английским оригиналом вследствие международного характера

соответствующих понятий (*braking system – тормозная система – спирачна система*; *Adaptive Cruise Control (ACC) – адаптивный круиз-контроль – адаптивен автопилот*; *trip computer / board computer – бортовый компьютер – бордови компютър* и др.).

Особые трудности также возникают при переводе многокомпонентных терминов, поскольку они требуют сохранения как семантической структуры понятия, так и его функциональной характеристики (*адаптивная система управления дальним светом*, *адаптивная пневматическая подвеска*, *система автоматического экстренного торможения*, *роботизированная коробка передач с двойным сцеплением* и т.д.). В подобных случаях терминографическое описание должно включать дефиницию, контекст употребления и указание на возможные варианты перевода.

Учитывая вышеизложенное, и принимая во внимание, что переводчик зачастую сталкивается с необходимостью выбора между двумя или более языковыми единицами, представляется целесообразным сказать несколько слов об одной из особых категорий переводческих трудностей – так называемых “ложных друзьях переводчика”, которые также известны как межъязыковая омонимия и межъязыковая паронимия. Известно, что к данной категории относятся лексические единицы, которые либо идентичны по форме, либо имеют схожее написание. Их внешнее сходство вызывает у переводчика стойкую ассоциацию с аналогичными по форме единицами в языке перевода. При переводе специализированной терминологии проблема “ложных друзей” приобретает дополнительную сложность, поскольку внешне сходными оказываются не просто общеупотребительные слова, а единицы, обозначающие профессионально значимые понятия.

В научно-технической литературе случаи “ложных друзей” встречаются реже, чем в общеупотребительной

лексике. Однако цена ошибки здесь значительно выше, так как неверный выбор эквивалента способен привести к грубому искажению смысла и нарушению технической точности специализированного текста. В контексте близкородственных языков, таких как русский и болгарский, эта проблема усугубляется высокой степенью фонетического и графического сходства лексем, что провоцирует переводчика на ложные ассоциации и калькирование. Зачастую такие термины либо полностью расходятся по значению (относясь к разным предметным областям), либо демонстрируют асимметрию семантического объема, когда широкое родовое понятие в одном языке соответствует узкому видовому в другом. Поэтому при лексикографической разработке двуязычного технического словаря необходимо уделять особое внимание выявлению подобных "проблемных" единиц, снабжая словарные статьи уточняющими пометами, стилистическими и контекстуальными комментариями, а также примерами корректного употребления. Наиболее показательные примеры таких лексических несоответствий представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Русский термин	**Болгарский термин**	**Комментарий**
привод	*задвижване*	Болгарское слово *привод* обозначает принудительную доставку человека в полицию или суд, если он отказывается явиться добровольно. Напр., *Съдията разпореди принудителен привод на свидетеля.*
резина	*гума*	Русское слово *резина* обозначает материал, тогда как болгарское слово *гума* часто

		употребляется в значении автомобильная шина.
шина	*гума*	При буквальном переводе возможно смешение понятий "резина" и "шина".
агрегат	*агрегат*	Внешне совпадающие термины могут иметь различную семантическую нагрузку в технической документации.

При анализе материала наблюдается тенденция к уменьшению числа терминов, обладающих полной межъязыковой асимметрией, что объясняется активными процессами международной стандартизации научно-технической литературы. Вместе с тем сохраняются отдельные случаи терминологической вариативности и частичной эквивалентности, требующие специального лексикографического описания и переводческого комментария.

Особого внимания заслуживают интернационализмы, создающие иллюзию полного совпадения значений. Например, термины *модуль*, *система*, *платформа*, *адаптер*, *контролёр*, *интерфейс* – формально имеют сходную структуру в обоих языках, однако в отдельных видах технической документации могут различаться по семантической нагрузке или условиями употребления.

Кроме того, переводческие трудности возникают также при передаче терминов, обозначающих организационно-производственные процессы: *сборочная линия – поточна линия*; *производственный участок – производствен участък*; *технологическая карта – технологична карта*; *маршрутная карта – маршрутна карта*. Несмотря на внешнее сходство данных терминов, их использование определяется национальными нормативно-техническими

стандартами, что требует дополнительного терминографического комментария.

Поэтому при разработке русско-болгарского словаря автомобилестроения целесообразно включать специальные пометы, указывающие на возможные случаи межъязыковой интерференции, ложной эквивалентности и терминологической вариативности.

Современный русско-болгарский терминологический словарь автомобилестроения должен выполнять не только справочную, но и нормативную функцию. Его задача заключается в обеспечении единообразного употребления терминов, снижении вариативности переводческих решений и формировании устойчивых профессиональных стандартов межъязыковой коммуникации.

С точки зрения переводоведения особое значение приобретает включение в словарь не только переводных соответствий, но и контекстов употребления терминов, типичных словосочетаний, примеров функционирования в технической документации и профессиональном дискурсе. Такой подход позволяет существенно повысить практическую ценность словаря и приблизить его к современным требованиям цифровой терминографии.

Таким образом, переводческий аспект является одним из ключевых компонентов терминографического моделирования русско-болгарского словаря автомобилестроения. Эффективное решение задач межъязыковой передачи специального знания способствует повышению качества профессионального перевода, развитию международного сотрудничества и формированию единого терминологического пространства в условиях глобализации научно-технической коммуникации.

ЦИФРОВАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на процессы создания, хранения и распространения терминологических знаний. Если традиционная терминография ориентирована преимущественно на печатные словари, то современный этап характеризуется активным переходом к электронным лексикографическим ресурсам, терминологическим базам данных и интеллектуальным системам обработки специальной информации.

Цифровизация терминографической деятельности обусловлена несколькими факторами. Во-первых, постоянным увеличением объема специализированной информации, требующей оперативного обновления и систематизации. Во-вторых, расширением международного профессионального взаимодействия, предполагающего необходимость быстрого доступа к актуальным терминологическим данным. В-третьих, развитием технологий автоматической обработки естественного языка, позволяющих существенно повысить эффективность работы с терминологическими ресурсами.

Современный электронный терминологический словарь значительно отличается от традиционного печатного издания. Помимо переводных соответствий и дефиниций, он может включать гипертекстовые ссылки, графические изображения, схемы, мультимедийные материалы, контекстуальные примеры употребления терминов, сведения об их происхождении и частотности использования в сфере профессионального общения. Благодаря этому пользователь получает возможность рассматривать термин как элемент целостной системы профессионального знания.

Вместе с тем стремительное обновление отраслевой терминосистемы автомобилестроения, связанное с развитием электромобилей, гибридных силовых установок и интеллектуальных систем помощи водителю, существенно

увеличивает объемы специализированной документации, требующей оперативной лексикографической обработки. Традиционные методы ручной выборки и сопоставления словарных дефиниций уже не позволяют своевременно фиксировать новые термины и отслеживать семантические сдвиги. В связи с этим особую актуальность в современной лексикографической практике приобретают методы автоматизированной обработки естественного языка и нейросетевые инструменты, позволяющие оптимизировать поиск эквивалентов и диагностику потенциальных зон межъязыковой интерференции.

Современная электронная терминография объединяет классические многоязычные терминологические банки данных – ТБД (Termbases), корпоративные системы управления терминологией и инструменты на базе искусственного интеллекта (NLP и больших языковых моделей), которые широко используются в профессиональной переводческой практике. Подобные системы позволяют не только хранить терминологическую информацию, но и обеспечивают её стандартизацию, унификацию и оперативное обновление.

В настоящее время наиболее известные международные цифровые терминографические ресурсы можно разделить на четыре ключевые категории:

А. Международные и институциональные ТБД:

- **IATE (Interactive Terminology for Europe)** – крупнейшая многоязычная база данных Европейского союза (включает 24 официальных языка ЕС, в том числе болгарский). Содержит миллионы терминов с оценкой надежности эквивалента, контекстами и ссылками на нормативные акты.
- **UNTERM (United Nations Terminology Database)** – многоязычная терминологическая база ООН (охватывает 6 официальных языков ООН, включая

русский). Незаменима для общественно-политической, юридической и научно-технической терминологии.

- **WIPO Pearl** – портал Всемирной организации интеллектуальной собственности. Содержит проверенную научно-техническую терминологию из патентной документации на 10 языках (включая русский) с привязкой к концептуальным картам (онтологиям).
- **TERMIUM Plus** – один из крупнейших в мире банков терминологии и лингвистических данных, разработанный Бюро переводов правительства Канады.

Б. Базы стандартизованной научно-технической терминологии:

- **ISO Online Browsing Platform (OBP)** – официальная платформа Международной организации по стандартизации. Позволяет искать стандартизованные термины, определения и графические символы напрямую по актуальным стандартам ISO.
- **IEC Electropedia (IEV Online)** – база Международной электротехнической комиссии, эталонный ресурс по электротехнике, электронике и смежным областям.
- **БД "РОСТЕРМ"** – российская национальная база стандартизованных терминов (разработка ВНИИКИ), объединяющая терминологию из стандартов ГОСТ, ГОСТ Р, ИСО и МЭК с эквивалентами на иностранных языках.

В. Отраслевые и корпусные справочные ресурсы:

- **Microsoft Terminology Collection** – эталонный глоссарий терминологии в сфере информационных технологий и локализации ПО (доступен для десятков

языков, включая русский и болгарский).

- **Национальные корпуса текстов** (например, *Национальный корпус русского языка – НКРЯ*, *Български национален корпус*) – используются терминографами для верификации узуса, сочетаемости терминов и выявления семантических сдвигов в живых текстах.

Г. Системы управления терминологией (TMS – Terminology Management Systems)

Профессиональное ПО (программное обеспечение), в котором создаются и хранятся терминологические базы (в формате TBX – *TermBase eXchange*): 1) **структурированная запись:** каждый термин хранится не просто как слово, а как карточка с полями – определение, контекст употребления, грамматические пометы, область применения, статус утверждения и межъязыковые эквиваленты; 2) **единый формат обмена (TBX): формат TBX** (*TermBase eXchange*) – это открытый стандарт на базе XML для обмена терминологическими базами между разными программами и системами автоматизированного перевода (CAT-инструментами). Благодаря ему базу, созданную в одной системе, можно перенести в другую без потери структуры и метаданных.

К числу более распространённых систем управления терминологией можно отнести следующие:

- **Trados MultiTerm** – отраслевой стандарт для ведения сложных иерархических терминологических баз с множеством полей (дефиниция, контекст, пометы, иллюстрации).
- **MemoQ QTerm**, **Phrase TMS** (бывш. Memsource), **TermWeb**, **CrossTerm** – облачные системы для совместной работы терминологов и переводчиков.

Помимо цифровых терминографических ресурсов, в настоящее время в терминографической практике активно используются инструменты ИИ, посредством которых представляется возможность автоматизировать самые трудоемкие этапы переводческой деятельности – от извлечения "кандидатов" в термины до составления дефиниций и контроля качества. К числу более распространённых инструментов ИИ относятся следующие:

А. Инструменты автоматического извлечения терминологии (ATE – Automatic Term Extraction) – системы, сочетающие статистические алгоритмы, морфологический анализ и нейросетевые эмбеддинги (от англ. *embedding* "вложение", "встраивание") для поиска односоставных и многокомпонентных терминов в корпусах текстов:

- **Sketch Engine** – ведущая корпусная платформа с мощным модулем одноязычного и двуязычного извлечения терминов (*Bilingual Term Extraction*), способным автоматически выравнивать эквиваленты в параллельных текстах.
- **TermoStat Web** – специализированный лингвостатистический инструмент для выявления терминологических кандидатов путем сравнения специализированного корпуса с эталонным общеязыковым корпусом.
- **Tilde Terminology** – облачная платформа на базе машинного обучения, которая извлекает термины из загруженных документов, сопоставляет их с открытыми ТБД (включая IATE) и формирует готовые глоссарии.
- **SDL MultiTerm Extract** – нейросетевой и статистический модуль для извлечения терминологических пар из двуязычных корпусов и баз памяти переводов.

Б. Большие языковые модели (LLM) и генеративный ИИ – современные LLM (**GPT-4o / GPT-5, Claude, Gemini, DeepSeek**) активно применяются в терминографической практике при условии обязательной верификации человеком (*Human-in-the-Loop*):

- **Генерация и унификация дефиниций:** формулирование строгих родо-видовых определений на основе заданного контекста или стандарта.
- **Семантический анализ и выявление «ложных друзей переводчика»:** сопоставление семантических полей терминов в близкородственных языках (например, выявление асимметрии значений между русским и болгарским терминами на основе контекстных примеров).
- **Автоматическая разметка и обогащение словарных статей:** присвоение предметных областей (тегов), определение части речи, подбор синонимов, антонимов и генерация иллюстративных контекстов.
- **Построение онтологий и семантических сетей:** кластеризация терминов и выстраивание иерархических связей (род – вид, часть – целое).

В. Векторные базы данных и RAG-системы (Retrieval-Augmented Generation): в корпоративной терминографии ИИ-ассистенты, которые связывают с внутренними базами знаний компании (чертежами, техдокументацией, стандартами и др.) через технологию RAG. Это позволяет нейросети отвечать на терминологические запросы и предлагать переводческие эквиваленты строго на основе утвержденной документации, минимизируя риск “галлюцинаций”.

Г. ИИ-модули в современных CAT-системах (LQA – Linguistic Quality Assurance): встроенные ИИ-агенты в

Trados Studio, **MemoQ** или **Crowdin** в реальном времени проверяют соблюдение терминологии, распознают морфологические формы термина в тексте (даже в языках с богатой флексией, как русский) и предупреждают о нарушении контекста или употреблении запрещённых вариантов.

При этом эффективность любых алгоритмов автоматического извлечения терминов и языковых моделей напрямую зависит от качества и репрезентативности текстовых данных, на которых они обучаются или с которыми работают. Даже самые совершенные нейросетевые инструменты требуют надежной эмпирической базы для проверки точности сгенерированных определений, оценки частотности употребления лексических единиц и контроля контекстуальной уместности предлагаемых эквивалентов. Именно поэтому наряду с методами ИИ критически значимую роль в цифровой терминографии сохраняют корпусные подходы и работа с массивами аутентичных текстов. В связи с этим важным направлением развития цифровой терминографии является использование корпусных технологий.

Национальные и специализированные корпуса текстов предоставляют исследователю возможность анализировать реальные случаи употребления терминов в профессиональной сфере общения, выявлять новые терминологические единицы; устанавливать особенности их сочетаемости и прослеживать динамику развития отраслевой лексики.

Для терминологии автомобилестроения корпусный подход представляет особую ценность. Современные технические тексты, нормативная документация, руководства по эксплуатации, каталоги запасных частей, материалы производителей транспортных средств и научно-технические публикации образуют значительный массив

данных, который может использоваться при формировании терминологического словаря. Корпусный анализ позволяет не только фиксировать существующие термины, но и выявлять новые номинации, возникающие в связи с развитием инновационных технологий.

Сопоставительный обзор основных электронных ресурсов, обеспечивающих лексикографическую и эмпирическую базу для моделирования русско-болгарского отраслевого словаря, представлен в *Таблице 2*. Их комплексное использование позволяет сбалансировать нормативный подход (опора на стандарты ГОСТ и БДС) с дескриптивным анализом реального функционирования терминов в профессиональных текстах.

Таблица 2.

Категория ресурсов	**Российская практика**	**Болгарская практика**	**Функции в терминографическом исследовании**
Национальные и специализированные корпуса текстов	**НКРЯ** https://*ruscorpora.ru* **ГИКРЯ** https://*webcorpora.ru*	**Български национален корпус (БНК / BulNC)** https://*dcl.bas.bg/bulnc*	Анализ реального узуса, сочетаемости и частотности употребления; проверка контекстов в параллельном русско-болгарском подкорпусе.
Лексико-семантические тезаурусы	**RuWordNet** https://*ruwordnet.ru*	**БулНет (BulNet)**, **BulSemCor**	Моделирование понятийных систем, проверка родо-видовых (гипер-гипонимических) и партитивных связей.
Академические лексикографические порталы	**Национальный словарный фонд**, портал	**Речник на българския език (РБЕ)**, **Лексикална**	Верификация нормативных дефиниций, отраслевых помет

	ИЛИ РАН (БАС, МАС)	**база данни на ИБЕ – БАН**	и семантической структуры общенаучных и специальных терминов.
Нормативно-орфографические справочники	**АКАДЕМОС** https://*orfo.ruslang.ru* **Грамота.ру** https://gramota.ru/	**БЕРОН** https://*beron.mon.bg*	Уточнение орфографии, грамматических парадигм, слитного/дефисного написания составных терминов и новейших заимствований.
Базы стандартизованной терминологии	**ФГИС “Береста”** (ГОСТ, ГОСТ Р, ISO), БД **“РОСТЕРМ”**	База **БИС** (БДС, EN, ISO), болгарский сегмент **IATE**	Отбор официально утверждённых и гармонизированных с международными стандартами отраслевых терминов-эквивалентов.
Справочно-правовые и технические системы	**“Техэксперт”**, **КонсультантПлюс** **ГАРАНТ**	**АПИС**, **СИЕЛА**, корпус **EUR-Lex**	Поиск терминов в актуальных технических регламентах, конструкторской, эксплуатационной и нормативно-правовой документации.
Отраслевые и переводческие агрегаторы	**Мультитран**, **Академик**, **БРЭ**	Словарные базы **Slovnik**, **PONS**, глоссарии **СУ**	Первичный эвристический поиск вариантов перевода и узуальных соответствий (с последующей верификацией по корпусам и стандартам).

Данные таблицы наглядно демонстрируют структурную сопоставимость российской и болгарской цифровой лексикографической инфраструктуры, несмотря на различия в масштабах национальных текстовых массивов и институциональной организации. В обоих языковых системах базовый аналитический каркас формируют национальные корпуса текстов, лексико-семантические тезаурусы типа WordNet, академические словари и базы стандартизованной терминологии, что позволяет сопоставлять нормативные дефиниции с реальным узусом в отраслевых текстах. Вместе с тем для болгарского сегмента особую значимость приобретают ресурсы, связанные с евроинтеграцией и нормативной гармонизацией (IATE, EUR-Lex, стандарты БДС/EN), тогда как в российской практике сильнее выражена опора на многоуровневую систему стандартов ГОСТ/ГОСТ Р, базу “РОСТЕРМ” и крупные справочно-технические массивы. В совокупности представленные в таблице ресурсы создают надежную эмпирическую основу для взаимной верификации русско-болгарских технических терминов в целом и выявления случаев семантической асимметрии при моделировании словаря.

Значительную роль в переводческой деятельности играют системы автоматизированного перевода и средства компьютерной поддержки перевода (Computer-Assisted Translation, CAT). Наиболее распространёнными являются SDL Trados Studio, MemoQ, Wordfast, Memsource и Smartcat. Указанные платформы активно используют ТБД, что способствует обеспечению единообразия перевода специальной лексики и снижению вероятности терминологических ошибок.

Как уже было отмечено выше, в настоящее время существенное влияние на терминографическую практику оказывают технологии ИИ. Большие языковые модели и

интеллектуальные системы обработки текста способны автоматически выделять терминологические единицы из специализированных документов, определять их частотность употребления, устанавливать семантические связи между понятиями и формировать предварительные варианты терминологических баз данных.

Автоматическое извлечение терминов (*automatic term extraction*) становится одним из наиболее перспективных инструментов современной терминографии. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет значительно ускорить процессы отбора терминологического материала и формирования словарных статей. Вместе с тем результаты автоматической обработки требуют обязательной экспертной проверки специалистами в соответствующей предметной области, поскольку терминологическая точность остаётся важнейшим требованием в сфере научно-технической коммуникации.

Особую ценность представляет возможность визуализации терминологических связей между понятиями. В отличие от традиционного словаря электронный ресурс позволяет отображать иерархические отношения между концептами, что способствует более эффективному усвоению профессионального знания и формированию целостной картины предметной области.

Проведённый анализ современных терминографических практик показывает, что использование цифровых технологий позволяет существенно расширить объём и повысить качество терминологических ресурсов. В отличие от традиционных печатных словарей электронные терминологические базы обеспечивают оперативное обновление информации, возможность интеграции мультимедийных компонентов и более эффективное представление концептуальных связей между специальными понятиями.

Таким образом, цифровая терминография и технологии ИИ существенно расширяют возможности создания современных специализированных словарей. Их использование при разработке терминографического продукта способствует повышению качества терминографического описания, обеспечивает актуальность представляемой информации и создаёт предпосылки для формирования многофункционального цифрового ресурса нового поколения.

МОДЕЛЬ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ И СТРУКТУРА РУССКО-БОЛГАРСКОГО СЛОВАРЯ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Для русско-болгарской терминографии применение подобных технологий открывает новые возможности создания специализированных электронных ресурсов. Перспективной представляется разработка цифрового русско-болгарского словаря автомобилестроения, объединяющего функции терминологической базы данных, переводного словаря и справочно-информационной системы.

Одним из ключевых этапов терминографического моделирования является разработка структуры словаря и определение принципов организации словарной статьи. Эффективность специализированного словаря во многом зависит от того, насколько полно и системно представлена терминологическая информация, а также насколько удобно она организована для различных категорий пользователей.

В современной терминографии принято различать макроструктуру и микроструктуру словаря. Под макроструктурой понимается общая организация словаря, включающая систему тематических разделов, способы расположения терминов и принципы навигации по словарному материалу. Микроструктура представляет собой внутреннюю организацию отдельной словарной статьи и совокупность сведений, сопровождающих термин.

С учётом специфики автомобилестроения как сложной междисциплинарной отрасли предлагаемый русско-болгарский словарь целесообразно строить по тематическому принципу. Такой подход позволяет представить терминологическую систему не как случайный набор лексических единиц, а как логически организованную совокупность взаимосвязанных понятий.

В структуре словаря могут быть выделены следующие тематические блоки:

- Общие понятия автомобилестроения.
- Конструкция транспортного средства.
- Двигатели и силовые установки.
- Трансмиссия и ходовая часть.
- Электрооборудование автомобиля.
- Системы безопасности.
- Производственные процессы и технологии.
- Техническое обслуживание и ремонт.
- Логистика и транспортная инфраструктура.
- Электромобили и гибридные технологии.
- Интеллектуальные транспортные системы.
- Цифровые технологии в автомобилестроении.

Подобная тематическая организация способствует формированию у пользователя целостного представления о структуре отраслевого знания и облегчает поиск необходимой информации.

Особое значение приобретает разработка микроструктуры словарной статьи. Анализ современных терминографических ресурсов показывает, что традиционного указания переводного соответствия уже недостаточно для эффективного использования словаря в профессиональной деятельности. Современная словарная статья должна содержать комплексную информацию о термине и особенностях его функционирования.

Предлагаемая модель словарной статьи может включать следующие компоненты: 1) заголовочный термин на русском языке; 2) грамматическую характеристику; 3) болгарский эквивалент; 4) дефиницию на обоих языках; 5) тематическую принадлежность термина; 6) информацию о терминологических связях с другими понятиями; 7) графические изображения и технические схемы (при необходимости); 8) примеры употребления; 9) указание на нормативные документы и стандарты; 10) сведения о возможных вариантах перевода; 11) информацию о частотности использования термина; 12) переводческий комментарий.

Рассмотрим пример словарной статьи:

Дифференциал

Тематическая группа: *Трансмиссия*

Определение (рус. яз.): Механизм трансмиссии, обеспечивающий возможность вращения ведущих колёс с различной угловой скоростью при сохранении передачи крутящего момента.

Болгарский эквивалент: *Диференциал*

Определение (болг. яз.): механично устройство в автомобилната трансмисия, което свързва три вала и позволява на задвижващите колела да се въртят с различна ъглова скорост при запазване на предаването на въртящия момент.

Пример употребления:

рус. яз.:

Блокировка дифференциала используется для повышения проходимости автомобиля в сложных дорожных условиях (эксплуатация и проходимость)

В полноприводных автомобилях используется межосевой дифференциал, который балансирует мощность между передней и задней осями (трансмиссия и привод).

болг. яз.

При автомобилите със задвижване на всички колела се използва централен диференциал, който балансира мощността между предния и задния мост (трансмисия и задвижване).

Инженерите разработиха нов електронен диференциал, който разпределя въртящия момент много по-бързо от традиционните механични системи (проектиране и конструкция).

Терминологические связи:

трансмиссия → дифференциал → полуось → ведущий мост

Сочетаемость и "ложные друзья": Оба термина полностью совпадают по семантике как в автомобильной технике, так и в других смежных областях. При переводе устойчивых сочетаний стоит учитывать терминологические различия в сопутствующих словах:

– *межосевой дифференциал* (рус. яз.) → *централен диференциал или междуосов диференциал* (болг. яз.).

– *самоблокирующийся дифференциал (LSD)* (рус. яз.) → *самоблокиращ се диференциал или диференциал с ограничено приплъзване* (болг. яз.).

Переводческий комментарий:

Термин имеет полное межъязыковое соответствие (интернационализм латинского происхождения – *differentialis*) и не вызывает затруднений при переводе.

Рассмотрим ещё один пример, связанный с новейшей автомобильной терминологией:

Цифровой двойник

Тематическая группа: *Цифровые технологии*.

Определение (рус. яз.): Динамическая виртуальная модель (копия) физического транспортного средства или его отдельных систем (агрегатов, электроники, программного обеспечения), которая непрерывно связана с реальным

объектом и отражает его текущее состояние. Она использует данные с датчиков, электронных блоков управления и других источников для моделирования поведения объекта, прогнозирования его состояния и оптимизации жизненного цикла.

Болгарский эквивалент: *Цифров близнак*

Определение (болг. яз.): Динамичен виртуален модел на физически автомобил, негов компонент или цяла производствена линия. Той се обновява непрекъснато с данни в реално време от сензори и симулации, за да отразява точното състояние, поведение и среда на реалния обект през целия му жизнен цикъл.

Пример употребления:

рус. яз.

Цифровой двойник используется при проектировании и испытании новых автомобильных компонентов (разработка и тестирование).

Цифровой двойник аккумуляторной батареи электромобиля позволяет прогнозировать её износ и перегрев при различных температурных режимах эксплуатации (испытания и надёжность).

болг. яз.

Чрез внедряването на цифров близнак на поточната линия заводът оптимизира работата на роботите и намалява времето за сглобяване на автомобилите (производство и сглобяване).

Сензорите в реално време предават данни към цифровия близнак на двигателя, което помага на сервизните техници да открият потенциални повреди преди те да са възникнали (диагностика и поддръжка).

Переводческий комментарий:

Термин представляет собой кальку английского языка *Digital Twin* и относится к числу активно развивающихся единиц современной инженерной терминологии. В современных

технических текстах на обоих языках часто допускается параллельное упоминание английского оригинала в скобках при первом введении термина в текст: *цифровой двойник (Digital Twin) / цифров близнак (Digital Twin)*.

Перспективным направлением представляется создание электронной версии словаря, в которой терминологические статьи будут связаны между собой посредством гипертекстовых ссылок. Такая организация материала позволит пользователю быстро переходить от одного понятия к другому и формировать целостное представление о концептуальной структуре автомобилестроения.

Следовательно, предлагаемая модель словарной статьи сочетает терминографический, когнитивный и переводческий подходы к описанию специальной лексики и может рассматриваться как основа для создания современного двуязычного (русско-болгарского) терминологического тезауруса автомобильной промышленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает, что терминографическое моделирование двуязычного русско-болгарского словаря автомобилестроения требует комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего когнитивный, лексикографический и переводческий аспекты. В условиях близкородственного двуязычия высокая степень фонетического и графического сходства лексем создает иллюзию семантической прозрачности, что провоцирует переводческую интерференцию и калькирование. Анализ отраслевого материала показывает, что межъязыковые расхождения в технической документации проявляются как в виде полной омонимии, обусловленной принадлежностью к разным предметным областям (*привод – задвижване*), так

и в форме семантической асимметрии и несовпадения категоризации объектов (*резина* / *шина – гума*, *агрегат*).

Установлено, что терминология автомобилестроения представляет собой динамично развивающуюся систему специальных единиц, отражающих современный уровень развития автомобильной промышленности, цифровых технологий, интеллектуальных транспортных систем и инновационных производственных процессов. Постоянное обновление отраслевой терминологии обусловливает необходимость её систематизации, унификации и лексикографического описания.

Анализ современных тенденций терминографии показал, что специализированный словарь в настоящее время рассматривается не только как средство фиксации терминов, но и как инструмент моделирования профессионального знания. В этой связи особую актуальность приобретает когнитивный подход, позволяющий представить терминологическую систему в виде взаимосвязанных концептов и тематических микросистем.

В ходе исследования было установлено, что наиболее эффективной моделью русско-болгарского словаря автомобильной промышленности является тематически организованный терминологический ресурс, сочетающий признаки переводного, толкового и справочного словаря. Такая модель обеспечивает системное представление отраслевой терминологии и способствует формированию профессиональной компетентности пользователей.

Особое внимание было уделено переводческому аспекту терминографического описания. Анализ русско-болгарских терминологических соответствий показал наличие различных типов эквивалентности, а также случаев терминологической вариативности, межъязыковой интерференции и адаптации англоязычных заимствований. Установлено, что двуязычный словарь должен содержать не

только переводные эквиваленты, но и дефиниции, контекстуальные примеры, переводческие комментарии и сведения о терминологических связях между понятиями.

Эффективное преодоление трудностей при переводе терминологии рассматриваемой области и проектировании терминографического продукта обеспечивается интеграцией нормативного и дескриптивного подходов. Сопоставительный анализ русской и болгарской цифровой лексикографической инфраструктуры демонстрирует наличие сопоставимых верификационных инструментов – от национальных корпусов текстов (НКРЯ, БНК) и семантических тезаурусов (RuWordNet, BulNet) до баз государственных и международных стандартов (ГОСТ, БДС, ISO, IATE). Включение в словарную статью развернутых дефиниций, контекстных иллюстраций, грамматических помет и специальных предупреждающих комментариев позволяет эксплицировать скрытые понятийные различия и минимизировать риск смысловых искажений при переводе.

В связи с этим перспективным направлением развития современной терминографии является использование цифровых технологий, корпусных методов исследования и инструментов искусственного интеллекта. Применение автоматизированных средств обработки терминологических данных способствует расширению возможностей создания электронных терминологических ресурсов и повышению эффективности профессиональной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Березина, Е. А. Автономные автомобильные транспортные средства: правовой опыт Сингапура, Китая и Южной Кореи. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022, Т.24, № 3, с. 100–123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomnye-avtomobilnye-transportnye-sredstva-pravovoy-opyt-singapura-kitaya-i-yuzhnoy-korei/viewer (дата обращения: 20.09.2026).

2. Гринев-Гриневич, С. В., Сорокина, Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований. *Вестник*

Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018 (5), с. 18–28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-terminologicheskih-issledovaniy/viewer (дата обращения: 11.09.2026).

3. Гринев-Гриневич, С. В., Рогуцка, И., Сорокина, Э. А. О возможности содружественного развития терминологии славянских языков. *Лингвистика и образование*. 2023 Том 3 № 1, с. 18–30. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-sodruzhestvennogo-razvitiya-terminologii-slavyanskih-yazykov/viewer (дата обращения: 11.09.2026).

4. Жанказиев, С. В., Воробьев, А. И., Морозов, Д. Ю. *Технические и технологические особенности автономных транспортных средств. Транспорт Российской Федерации: IT-технологии*, № 3 (82) 2019, с. 39–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-i-tehnologicheskie-osobennosti-avtonomnyh-transportnyh-sredstv/viewer (дата обращения: 20.09.2026).

5. Камшилова, О. Н., Беляева, Л. Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы. *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 1, с. 41–56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-epohu-tsifrovizatsii-novye-praktiki-protsedury-i-resursy/viewer (дата обращения: 11.09.2026).

6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Москва: Высш.шк., 1990, 253 с.

7. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: Учебное пособие. Москва, 1999, 108 с. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/komissarov.pdf (дата обращения: 11.09.2026).

8. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. Москва: Р. Валент, 2011, 410 с.

9. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. Москва: Знак, 2012, 208 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

10. Кудрявцева, Л. А. Цифровая терминография в информационном пространстве профессиональной коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте современных подходов, 2021, с. 12–15.

11. Мнацаканова, В. Г. Краткий обзор ключевых технологических инноваций автомобильной промышленности // Вопросы инновационной экономики, 2020, Т. 10, № 1, с. 345–362. URL: https://1economic.ru/lib/41354 (дата обращения: 20.09.2026).

12. Морозов, А. В. Межъязыковая эквивалентность как способ представления деривационных отношений в лексике русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297, с. 12–16 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-ekvivalentnost-kak-sposob-predstavleniya-derivatsionnyh-otnosheniy-v-leksike-russkogo-yazyka (дата обращения: 20.09.2026).

13. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., Москва: “Р. Велент”, 2007, 244 с.

14. Терзиева, Т. В. Специфика терминологических словосочетаний (на материале терминов автомобилестроения). *Езикът на науката. Науката за езика.* Юбилеен сборник в чест на чл.-кор. проф. д.ф.н. Мария Попова. София: Издателство на БАН "Проф. Любомир Андрейчин", 2017, с. 253–262.

15. Терзиева, Т. В. Типологические признаки и параметры терминологических словарей / Typological parameters of terminological dictionaries. *SocioBrains International Scientific Refereed Online Journal*, Issue 37, September 2017: p. 93–98. URL: http://sociobrains.com/website/w1465/file/repository/93_98_Tatyyana_Terzieva_TYPOLOGICAL_PARAMETERS_OF_TERMINOLOGICAL_DICTIONARIES.pdf (дата обращения: 08.09.2026).

16. Терзиева, Т. В. Краткий русско-болгарский словарь–справочник (термины и определения основных понятий в области автомобилестроения и приборостроения) / Кратък руско-български речник–справочник (термини и определения на основните понятия в областта на автомобилостроенето и приборостроенето). Шумен: "Химера" ООД, 2017, 80 с. ISBN 978-619-7218-38-1 (print); ISBN 978-619-201-675-3 (online), 2022, 80 с. URL: http://litermedia.com/index.php?ind=downloads&op=entry_view&iden=358 (дата обращения: 10.09.2026).

17. Терзиева, Т. В. Смысловая устроенность составных терминов на примере терминов автомобилестроения // Материалы XX Юбилейной Международной научно-практической конференции “Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие: XX Кирилло-Мефодиевские чтения” (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 22–24 мая 2019 года): сборник статей / гл. ред. М. Н. Русецкая, Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019, с. 667–672. ISBN 978-5-98269-198-9. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39161301_56405923.pdf (дата обращения: 08.09.2026).

18. Терзиева, Т. В. Принципы построения русско-болгарского терминологического словаря отрасли автомобилестроения // Материалы XI Международной научно-методической конференции “Теория и практика языковой коммуникации”, Уфимский государственный авиационный технический университет, Кафедра языковой коммуникации и психолингвистики, Уфа: РИК УГАТУ, 2019, с. 238–244. ISBN 978-5-4221-1269-2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41161040_47888772.pdf (дата обращения: 08.09.2026).

19. Терзиева, Т. В. Вопросы межъязыковой эквивалентности при переводе контрактной документации на материале русского и болгарского языков // Годишник на Шуменския университет “Епископ Константин Преславски”, Факултет по хуманитарни науки, УИ: “Епископ Константин Преславски”, 2026. ISSN 1311-7300 (print); ISSN 2603-512X (online).

20. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Фёдоров. 4-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Филилогический факультет СПбГУ; Москва: Издательский център “Академия”, 2008, 416 с.

21. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988, 215 с.

22. Щитова, О. Г., Щитов, А. Г. (2020) Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020, № 65, с. 158–179. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-frazeologicheskaya-ekvivalentnost-i-lakunarnost-etnokulturnyy-aspekt-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov (дата обращения: 08.09.2026).

23. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва: Международные отношения, 1978, с. 16–24.

REFERENCES:

1. Berezina, Ye. A. Avtonomnie avtomobilnie transportnie sredstva: pravovoi opit Singapura, Kitaya i Yuzhnoi Korei. Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo. 2022, T.24, № 3, s. 100–123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtonomnye-avtomobilnye-transportnye-sredstva-pravovoy-opyt-singapura-kitaya-i-yuzhnoy-korei/viewer (data obrashcheniya: 20.09.2026).

2. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. Perspektivnie napravleniya razvitiya terminologicheskikh issledovanii. Vestnik Moskovskogo

gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2018 (5), s. 18–28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-razvitiya-terminologicheskih-issledovaniy/viewer (data obrashcheniya: 11.09.2026).

3. Grinev-Grinevich, S. V., Rogutska, I., Sorokina, E. A. O vozmozhnosti sodruzhestvennogo razvitiya terminologii slavyanskikh yazikov. Lingvistika i obrazovanie. 2023 Tom 3 № 1, s. 18–30. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnosti-sodruzhestvennogo-razvitiya-terminologii-slavyanskih-yazykov/viewer (data obrashcheniya: 11.09.2026).

4. Zhankaziev, S. V., Vorobev, A. I., Morozov, D. Yu. Tekhnicheskie i tekhnologicheskie osobennosti avtonomnikh transportnikh sredstv. Transport Rossiiskoi Federatsii: IT-tekhnologii, № 3 (82) 2019, s. 39–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnicheskie-i-tehnologicheskie-osobennosti-avtonomnyh-transportnyh-sredstv/viewer (data obrashcheniya: 20.09.2026).

5. Kamshilova, O. N., Belyaeva, L. N. Mashinnii perevod v epokhu tsifrovizatsii: novie praktiki, protseduri i resursi. Terra Linguistica. 2023. T. 14. № 1, s. 41–56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-epohu-tsifrovizatsii-novye-praktiki-protsedury-i-resursy/viewer (data obrashcheniya: 11.09.2026).

6. Komissarov, V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekti): ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moskva: Vissh.shk., 1990, 253 s.

7. Komissarov, V. N. Obshchaya teoriya perevoda. Problemi perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnikh uchenikh: Uchebnoe posobie. Moskva, 1999, 108 s. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/komissarov.pdf (data obrashcheniya: 11.09.2026).

8. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie. 2-e izd., ispr. Moskva: R. Valent, 2011, 410 s.

9. Kubryakova, Ye. S. V poiskakh sushchnosti yazika: Kognitivnie issledovaniya / In-t. yazikoznaniya RAN. Moskva: Znak, 2012, 208 s. (Razumnoe povedenie i yazik. Language and Reasoning).

10. Kudryavtseva, L. A. Tsifrovaya terminografiya v informatsionnom prostranstve professionalnoi kommunikatsii. Aktualnie problemi lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste sovremennikh podkhodov. 2021, s. 12–15.

11. Mnatsakanova, V. G. Kratkii obzor klyuchevikh tekhnologicheskikh innovatsii avtomobilnoi promishlennosti. Voprosi innovatsionnoi ekonomiki. – 2020, T. 10, № 1, s. 345–362. URL: https://1economic.ru/lib/41354 (data obrashcheniya: 20.09.2026).

12. Morozov, A. V. Mezhyazikovaya ekvivalentnost kak sposob predstavleniya derivatsionnikh otnoshenii v leksike russkogo yazika // Vestnik

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. №297, s. 12–16 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-ekvivalentnost-kak-sposob-predstavleniya-derivatsionnyh-otnosheniy-v-leksike-russkogo-yazyka (data obrashcheniya: 20.09.2026).

13. Retsker, Ya. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda / Dopolneniya i kommentarii D. I. Yermolovicha. 3-e izd., Moskva: “R. Velent”, 2007, 244 s.

14. Terzieva, T. V. Spetsifika terminologicheskikh slovosochetanii (na materiale terminov avtomobilestroeniya). Yezikt na naukata. Naukata za yezika. Yubileen sbornik v chest na chl.-kor. prof. d.f.n. Mariya Popova. Sofiya: Izdatelstvo na BAN "Prof. Lyubomir Andreichin", 2017, s. 253–262.

15. Terzieva, T. V. Tipologicheskie priznaki i parametri terminologicheskikh slovarei / Typological parameters of terminological dictionaries. SocioBrains International Scientific Refereed Online Journal, Issue 37, September 2017: p. 93–98. URL: http://sociobrains.com/website/w1465/file/repository/93_98_Tatyyana_Terzieva_TYPOLOGICAL_PARAMETERS_OF_TERMINOLOGICAL_DICTIONARIES.pdf (data obrashcheniya: 08.09.2026).

16. Terzieva, T. V. Kratkii russko-bolgarskii slovar–spravochnik (termini i opredeleniya osnovnikh ponyatii v oblasti avtomobilestroeniya i priborostroeniya) / Kratk rusko-blgarski rechnik–spravochnik (termini i opredeleniya na osnovnite ponyatiya v oblastta na avtomobilostroeneto i priborostroeneto). – Shumen: "Khimera" OOD, 2017, 80 s. ISBN 978-619-7218-38-1 (print); ISBN 978-619-201-675-3 (online), 2022, 80 s. URL: http://litermedia.com/index.php?ind=downloads&op=entry_view&iden=358 (data obrashcheniya: 10.09.2026).

17. Terzieva, T. V. Smislovaya ustroennost sostavnikh terminov na primere terminov avtomobilestroeniya // Materiali KhKh Yubileinoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie: KhKh Kirillo-Mefodievskie chteniya" (v ramkakh Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalya slavyanskikh yazikov i kultur, 22–24 maya 2019 goda): sbornik statei / gl. red. M. N. Rusetskaya, Moskva: Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2019, s. 667–672. ISBN 978-5-98269-198-9. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39161301_56405923.pdf (data obrashcheniya: 08.09.2026).

18. Terzieva, T. V. Printsipi postroeniya russko-bolgarskogo terminologicheskogo slovarya otrasli avtomobilestroeniya // Materiali XI Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii "Teoriya i praktika yazikovoi kommunikatsii", Ufimskii gosudarstvennii aviatsionnii tekhnicheskii universitet, Kafedra yazikovoi kommunikatsii i

psikholingvistiki, Ufa: RIK UGATU, 2019, s. 238–244. ISBN 978-5-4221-1269-2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41161040_47888772.pdf (data obrashcheniya: 08.09.2026).

19. Terzieva, T. V. Voprosi mezhyazikovoi ekvivalentnosti pri perevode kontraktnoi dokumentatsii na materiale russkogo i bolgarskogo yazikov // Godishnik na Shumenskiya universitet "Episkop Konstantin Preslavski", Fakultet po khumanitarni nauki, UI: "Episkop Konstantin Preslavski", 2026. ISSN 1311-7300 (print); ISSN 2603-512Kh (online).

20. Fëdorov, A. V. Osnovi obshchei teorii perevoda: lingvisticheskie problemi / A. V. Fëdorov. 4-e izd., pereab. i dop. Sankt-Peterburg: Fililogicheskii fakultet SPbGU; Moskva: Izdatelskii tsentr "Akademiya", 2008, 416 s.

21. Shveitser, A. D. Teoriya perevoda: status, problemi, aspekti. Moskva: Nauka, 1988, 215 s.

22. Shchitova, O. G., Shchitov, A. G. (2020) Mezhyazikovaya frazeologicheskaya ekvivalentnost i lakunarnost: etnokulturnii aspekt (na materiale russkogo i kitaiskogo yazikov) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2020, № 65, s. 158–179. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovaya-frazeologicheskaya-ekvivalentnost-i-lakunarnost-etnokulturnyy-aspekt-na-materiale-russkogo-i-kitayskogo-yazykov (data obrashcheniya: 08.09.2026).

23. Yakobson, R. O. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda // Voprosi teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike. Moskva: Mezhdunarodnie otnosheniya, 1978, s. 16–24.

Татьяна Васильевна Терзиева
главен асистент, доктор по филология
Шуменски университет "Епископ Константин Преславски"
гр. Шумен, България
Tatyyana Vasiyevna Terzieva
Senior Assistant Professor, Ph.D. in Philology
Konstantin Preslavsky University of Shumen,
Bulgaria
t.terzieva@shu.bg
РИНЦ: SPIN-код: 7991-9442, AuthorID: 895887
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6965-3075

ЖАН-БАТИСТ МОДРЮ: ВКЛАД В ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Тилев Энчо

Аннотация. В статье исследуется вклад Жана-Батиста Модрю в описание русского языка на рубеже XVIII–XIX веков. На основе историко-лингвистической реконструкции и сопоставительного анализа его грамматик рассматриваются влияние традиции Пор-Рояля и французских идеологов, принципы классификации частей речи и интерпретация грамматических категорий. Особое внимание уделяется соотношению семантических, морфологических и синтаксических критериев, описанию падежной и глагольной систем, а также критике Н. М. Карамзина. Показано, что значение трудов Модрю определяется перестройкой классификационных отношений и развитием аналитических процедур, а не только терминологическими нововведениями. Выявлены ограничения универсалистского подхода, обусловленные смешением категориальных оснований и подменой грамматического объяснения аналитической парафразой. Обосновывается историческая значимость его наследия для постановки проблемы соотношения универсальных принципов грамматики и специфики русского языка.

Ключевые слова: Жан-Батист Модрю; история русского языкознания; рациональная грамматика; части речи; грамматические категории.

https://doi.org/10.46678/PRDM2566

JEAN-BAPTISTE MAUDRU: HIS CONTRIBUTION TO THE DESCRIPTION OF RUSSIAN

Tilev Encho

Abstract. This article examines Jean-Baptiste Maudru’s contribution to the description of Russian at the turn of the nineteenth century. Through historical reconstruction and comparative analysis of his grammars, it explores the influence of the Port-Royal tradition and the French Ideologues, his

classification of parts of speech, and his interpretation of grammatical categories. Particular attention is paid to semantic, morphological, and syntactic criteria, the treatment of case and verbal systems, and N. M. Karamzin's criticism. Maudru's significance lies in restructuring classificatory relationships and developing analytical procedures, rather than merely introducing terminology. The analysis identifies limitations arising from inconsistent classification criteria and the substitution of analytical paraphrase for grammatical explanation. His work thus illuminates the relationship between universal grammatical principles and language-specific properties.

Key words: Jean-Baptiste Maudru; history of Russian linguistics; rational grammar; parts of speech; grammatical categories.

1. Введение

На рубеже XVIII–XIX вв. описание русского языка формировалось в условиях конкуренции нормативно-парадигматической и рационально-аналитической установок. Первая обеспечивала преемственность грамматической мысли и воспроизводимость правил, вторая требовала обосновать языковые категории через отношения между понятиями и операции суждения. Их взаимодействие нельзя свести к последовательной смене исследовательских парадигм: в одном и том же сочинении традиционная система частей речи могла сочетаться с логической интерпретацией предложения, а ориентация на узус – с выведением правил из общих начал. Грамматики Жана-Батиста Модрю представляют интерес именно как форма такого взаимодействия, в которой универсалистская программа подвергается проверке материалом конкретного языка.

Перенос грамматических категорий на русский материал способен выявлять ранее неэксплицированные отношения, но может и подчинять неоднородные факты заранее установленной схеме. Поэтому историко-лингвистическая оценка Модрю требует различать введение

терминов, изменение классификационных критериев и собственно объяснение языковых закономерностей. Рабочая гипотеза заключается в том, что значение его трудов определяется прежде всего перераспределением функций внутри традиционной грамматической системы и развитием процедур анализа, тогда как новизна отдельных названий сама по себе не служит достаточным доказательством теоретического новаторства.

Объект исследования – грамматическое описание русского языка в трудах Жана-Батиста Модрю и его рецепция в начале XIX в. Предмет исследования – соотношение семантических, морфологических и синтаксических оснований классификации, интерпретация грамматических категорий и зависимость объяснительных процедур от рациональной грамматики и учения французских идеологов. Цель состоит в установлении содержания и границ вклада Модрю: какие свойства русского языка получают в его системе самостоятельное объяснение, какие переосмысляются в пределах унаследованных моделей и в каких случаях принципы универсальной грамматики вступают в противоречие с языковым материалом.

Исследование сочетает историко-лингвистическую реконструкцию с сопоставительным анализом определений, классификаций и иллюстративных примеров. Последовательно рассматриваются «Élémens raisonnés de la langue russe» и «Основательное сокращение российской грамматики» 1808 г. Основным критерием оценки принимается согласованность определения категории с составом относимых к ней единиц и с анализом их употребления. Современные понятия используются как инструменты сопоставления; их наличие в историческом тексте устанавливается отдельно, а не предполагается на основании терминологического сходства.

Французское сочинение цитируется с датой 1801 по библиографическим сведениям электронной копии, выложенной на сайте Gallica Национальной библиотеки Франции. На титульном листе стоит *An X* – десятый год республиканского календаря, охватывающий части 1801 и 1802 гг.; в исследовательской литературе встречается также датировка 1802 г. Эти обозначения не принимаются здесь за свидетельство существования двух разных изданий. Непосредственному анализу подвергается первая часть труда, включающая теоретическое введение и развернутое описание имен и глаголов. Положения о служебных словах рассматриваются прежде всего по введению. Написание русских примеров по возможности приведено к современной графике без изменения их грамматической формы.

2. Изложение

2.1. Биография Жана-Батиста Модрю и его педагогическая программа

Жан-Батист Модрю родился в 1740 г. в Миркуре, в Вогезах. Биографическая реконструкция осложняется характером источников: значительная часть сведений восходит к его собственным предисловиям, письмам и свидетельствам о преподавательской деятельности. Дата смерти остается дискуссионной: Г. Хасслер указывает 1808 г., тогда как Н. Кряжева сохраняет обозначение «после 1808?». Последняя датировка точнее отражает степень документальной определенности [2, с. 2–3; 7, с. 463, 466]. Для истории грамматических идей существеннее, однако, не отдельные хронологические лакуны, а устойчивость педагогической проблематики на протяжении его деятельности.

Опубликованная в 1771 г. система обучения чтению предваряет основные установки последующих грамматических сочинений. Предполагаемая применимость метода к

различным языкам указывает на поиск общего основания обучения, а требование осмысленного усвоения – на связь языковой практики с развитием аналитических способностей. Тем самым универсализм Модрю имеет не только философское, но и дидактическое происхождение: общая модель необходима ему как воспроизводимая процедура перехода от восприятия звука к пониманию слова и связной речи [2, с. 3–7].

Первый продолжительный период его пребывания в России относится к 1773–1791 гг. Модрю преподавал французский язык, в том числе в петербургском Кадетском корпусе, и занимался частным образованием. Свидетельство Н.-Г. Леклерка от 1774 г., приводимое Кряжевой, характеризует результаты его обучения чтению и произношению. С российским периодом связаны дидактические таблицы, упражнения по грамматическому, логическому и ораторскому анализу, а также работа над общим планом воспитания [2, с. 8–9].

Возвращение во Францию в 1791 г. изменило институциональные условия реализации этой программы. В собственных свидетельствах Модрю объяснял отъезд преследованиями и потерями, вызванными сочувствием Французской революции. Его обращения в Комитет общественного образования и участие в педагогических объединениях показывают стремление включить частную методику преподавания в проект преобразования образовательных учреждений.

В 1799 г. его система чтения получила положительную оценку, а сам он был назначен преподавателем чтения и произношения в школе департамента Сены одновременно с Ф.-Ю. Домергом. Эта среда объясняет близость Модрю к проектам идеологов: обучение языку понималось здесь как средство развития рассуждения и подготовки гражданина. В 1801–1802 гг. (An X) в Париже вышли его «Élémens raisonnés

de la langue russe» – крупная грамматика в двух томах. Ее значение как первой русской грамматики, опубликованной во Франции, не следует смешивать с первенством среди всех франкоязычных описаний русского языка: труд Ж.-Б.-Ж. Шарпантье был напечатан в Петербурге еще в 1768 г. [2, с. 2, 10–11; 1, с. 13–17].

Возвращение Модрю в Россию в начале XIX в. связывалось с новыми ожиданиями в области образования. Он намеревался открыть в Москве учебное заведение и подготовить для него пособия. Предисловие к книге 1808 г. сообщает о неосуществлении этого замысла и о решении все же предложить читателю результаты работы. Грамматика и «Умственный российский букварь» мыслились как взаимодополняющие пособия: первая объясняла преподавателю основания метода, второй предназначался для практического обучения [6, с. IV–VII; 2, с. 23–24].

Модрю обнаруживает устойчивую взаимозависимость теории и преподавания. Грамматическое правило приобретает для него значение постольку, поскольку допускает аналитическое развертывание и может быть воспроизведено в учебной процедуре. Отсюда характерные особенности его сочинений: стремление к эксплицитным определениям, систематизация парадигм, восстановление подразумеваемых компонентов и сопоставление синтетического выражения с аналитическим. Эти приемы обеспечивают связность программы, но одновременно создают риск отождествления удобной процедуры объяснения с действительным устройством языка.

2.2. Рациональная грамматика и наследие Пор-Рояля

Исторической предпосылкой рациональной грамматики стало разграничение всеобщих оснований речи и способов их реализации в отдельных языках. Расширение

круга описываемых языков ставило под вопрос универсальность латинского морфологического образца: совпадение логической функции не предполагало тождества флексий, числа форм или порядка слов. Центральная методологическая трудность заключалась в определении уровня обобщения. Если общими признавались операции мышления, языковое разнообразие оставалось объяснимым; если же универсальный статус получали категории одного языка, сравнительное описание превращалось в поиск соответствий заранее заданной системе.

В «Всеобщей и рациональной грамматике» А. Арно и К. Лансло (1660) предложение соотносится с суждением, а грамматическая форма рассматривается как средство выражения логической операции. Объяснение тем самым переносится с перечня допустимых употреблений на основания их организации. Значение этой установки для последующей традиции заключается в возможности различать формальную реализацию и логическое отношение: одна операция утверждения может выражаться неодинаковыми конструкциями. Однако именно такое различение допускает и обратный ход – восстановление за каждым наблюдаемым выражением предполагаемой полной структуры. В дальнейшем у Модрю эти два направления анализа оказываются тесно связанными.

Показательна трактовка глагольной предикации. Как отмечает Хасслер, латинское scribit разлагается на est scribens: лексически обозначаемый признак отделяется от акта его приписывания субъекту. Русскоязычная грамматика 1808 г. воспроизводит соответствующую установку в разграничении подлежащего и «приписательного» (сказуемого) и в особом статусе глагола *быть* [7, с. 468; 6, с. 68–69, 88–90]. Такое разложение обладает объяснительной силой на уровне логической структуры, но не устанавливает морфологический состав исходной формы. Методологическая

граница проходит именно между интерпретацией отношения и утверждением о способе его языкового образования.

Преемственность по отношению к Пор-Роялю опосредована французской грамматической мыслью XVIII в. В частности, Аршимбо связывает концепцию Модрю с Жираром и Бозе и с классификацией языков по соотношению порядка слов и средств выражения отношений [1, с. 17–18]. Русская флексия в этой перспективе приобретает не только парадигматическое, но и синтаксическое значение: она позволяет идентифицировать отношения при изменении линейного расположения компонентов. Следовательно, универсалистский подход содержит предпосылку сравнительного анализа, поскольку допускает функциональную соотнесенность различных формальных механизмов.

Разграничение синтаксиса и конструкции конкретизирует эту предпосылку. Синтаксис соотносится с системой отношений, конструкция – с их линейной реализацией. Для интерпретации русского материала такое разграничение принципиально: сохранение падежных связей при перестановке слов не означает сохранения всех смысловых характеристик высказывания. Слабость объяснительной модели возникает тогда, когда инвариантность предметных отношений отождествляется с коммуникативной равноценностью конструкций. Именно здесь универсальная схема нуждается в дополнении анализом контекста и употребления [1, с. 22–24].

Таким образом, рациональная традиция определяет у Модрю не столько совокупность заимствованных тезисов, сколько способ постановки грамматической задачи: от формы требуется перейти к отношению, от отношения – к общему основанию. Продуктивность этого движения зависит от возможности обратной проверки: объясняет ли реконструированная структура реальные различия употребления или лишь воспроизводит исходную логическую

предпосылку? Этот критерий позволяет оценивать последующие частеречные и синтаксические решения в пределах единой исследовательской проблемы.

2.3. Модрю и французские идеологи

Связь Модрю с французскими идеологами следует рассматривать в контексте изменения статуса языкового знака. Язык выступает средством расчленения и организации представлений, а грамматика включается в исследование познавательных операций. Г. Хасслер отмечает, что влияние этого направления в послереволюционные десятилетия распространялось одновременно на теорию языка и образовательные практики [7, с. 463–466]. Для Модрю такое соединение существенно: анализ грамматического выражения становится способом выявления операций, посредством которых учащийся соотносит предметы, признаки и действия.

Предпосылка Э. Б. де Кондильяка о деятельной роли знаков в организации мысли уточняет отношение данной программы к рациональной грамматике. Если логическая схема позволяет реконструировать структуру суждения, то анализ знаков объясняет, каким образом эта структура становится доступной сознательному расчленению и обучению. Между тем степень зависимости познания от языка оставалась предметом разногласий внутри самого движения; поэтому методологически неоправданно выводить все решения Модрю из единой доктрины идеологов [7, с. 465–466]. Преемственность устанавливается на уровне конкретных исследовательских установок, а не предполагается как полное тождество взглядов.

Употребление определения *idéologiste* применительно к грамматисту и требование предварительного развития способности суждения свидетельствуют о такой преемственности. У Модрю сознательный разбор предполагает уже

приобретенный опыт правильной речи: аналитическая операция следует за практическим овладением отношениями, выраженными в языке [7, с. 467–468; 2, с. 4–7]. Эта последовательность существенна для оценки его универсализма. Логическое основание не отменяет опыта, однако оно должно сделать его структуру эксплицитной.

Образовательное измерение идеологии не является внешним дополнением к языковой теории. Рассматриваемая Д. Тейссейром связь семиотики, грамматических исследований и общественного проекта позволяет понять, почему систематизация учебного материала воспринималась как средство совершенствования рассуждения [4, с. 215–217]. В этой перспективе учебник становится формой реализации теоретической программы. Применительно к Модрю данное обстоятельство объясняет повышенное внимание к воспроизводимости разбора, к последовательности аналитических операций и к возможности переводить сложное выражение в более развернутую конструкцию.

На русском материале эта установка реализуется прежде всего в анализе производности и семантической емкости слова. Сопоставление одной русской формы с развернутым французским выражением позволяет эксплицировать заключенные в ней различия. Однако длина парафразы зависит и от устройства языка перевода, и от выбора самого толкования. Поэтому переход от формальной производности к характеристике национального мышления не вытекает из результатов сопоставления. Климатические объяснения звучания и политико-историческая интерпретация порядка слов у Модрю обнаруживают именно такое превышение объяснительных возможностей метода [7, с. 472–476].

Связь с идеологами, следовательно, проявляется в двойственном понимании анализа: как процедуры разложения выражения и как способа реконструкции

познавательной деятельности. Первая задача допускает проверку на грамматическом материале; вторая требует дополнительных оснований, если выводы распространяются на мышление народа или историю общества. Разграничение этих уровней позволяет избежать как безусловной апологии универсализма Модрю, так и сведения его концепции к совокупности ошибочных культурно-исторических аналогий.

2.4. Принципы грамматической дескрипции и вклад в описание русского языка

2.4.1. «Élémens raisonnés de la langue russe» 1801 года

Замысел и устройство грамматического описания

Труд Модрю, вышедший во Франции, позволяет рассмотреть его программу до ее приспособления к русскоязычному учебному изложению. Уже подзаголовок – применение общих принципов грамматики к русскому языку – устанавливает направление исследования: частная грамматика должна обнаруживать способы реализации отношений, предварительно определенных на всеобщем уровне. Однако движение мысли не оказывается исключительно дедуктивным. В предисловии русский материал привлекается для проверки общих положений: способность предлога управлять дательным падежом служит возражением против ограничения, ошибочно принимаемого за универсальное [3, с. I–IV]. Русский язык выступает, следовательно, не только объектом применения теории, но и источником ее коррекции.

Первую часть образуют развернутое введение и собственно описание русского языка, завершающееся глагольной проблематикой и объяснением устройства «рематеклога». Такое построение принципиально для интерпретации терминов: определения общего введения не

всегда совпадают по объему с русскими единицами классификации. Введение перечисляет девять членов предложения, включая артикль; одновременно указывается, что русский язык артикля не имеет. Пять изменяемых и четыре неизменяемых класса характеризуют общую модель, а не буквальный инвентарь русской грамматики [3, с. IX–XI]. Отсутствие формы в одном языке не означает отсутствия соответствующей познавательной операции, но и не дает основания приписывать этому языку несуществующую морфологическую категорию.

Иерархия критериев устанавливается уже при разделении элементов на обозначающие идеи и выражающие душевные состояния. Затем Модрю переходит к более проверяемому различию изменяемости и неизменяемости. Он сам оценивает последнее как менее метафизическое и более точное [3, с. IX–X]. Это замечание существенно: автор не считает все основания классификации равноценными. Тем не менее семантический, логический и морфологический уровни продолжают взаимодействовать, а возникающие расхождения между ними разрешаются преимущественно посредством аналитического развертывания значения.

Имя и падежная организация

Имя определяется через представление предмета как самостоятельно существующего. Его отличие от прилагательного устанавливается, таким образом, не по обозначаемой реальности самой по себе, а по способу ее мысленного представления. Различение имен собственных и нарицательных сопровождается анализом содержания и объема понятия: увеличение числа подразумеваемых признаков ограничивает круг обозначаемых объектов [3, с. XX–XXIII]. Для грамматики это означает, что номинация рассматривается одновременно как языковая и познавательная операция. Ограничение модели состоит в том, что логическая

характеристика понятия еще не объясняет склонения, сочетаемости или синтаксической позиции имени.

Падежная система включает именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный; творительный обозначен термином *factif*. Формальная вариативность связывается с возможностью перестановки компонентов: флексии сохраняют способность различать отношения там, где порядок слов изменяется [3, с. XV–XX]. Такая постановка вопроса расширяет предмет морфологии, и падеж оказывается средством организации предложения, а не только совокупностью окончаний. Вместе с тем свобода расположения членов предложения не доказывает их полной смысловой взаимозаменяемости: именно переход от грамматической допустимости к коммуникативной эквивалентности впоследствии становится объектом возражений Карамзина.

Родительный описывается через несколько отношений, включая целое и часть целого, причину и результат и т.д. Их объединение показывает, что Модрю не сводит падеж к единственному предметному значению. Однако он стремится установить также единство зависимости, отдавая определяющую роль имени или предлогу и объясняя некоторые другие случаи опосредованно [3, с. XVI–XIX]. Здесь продуктивность семантического перечисления сочетается с ограничением синтаксической модели: многообразие отношений признается, но возможность самостоятельного управления со стороны разных классов слов не получает равноценного статуса.

В трактовке дательного падежа особо важна возможность предложного употребления, а в трактовке творительного – выход за пределы значения орудия. Модрю учитывает обстоятельственную функцию и участие соответствующей формы в выражении приписываемого признака. Предложный, напротив, определяется через

обязательное присутствие предлога [3, с. XVIII–XX]. Следовательно, внутри системы Модрю применяет семантический и дистрибутивный анализ. Различие этих оснований не делает наблюдения бесполезными, но требует отделять удачное описание отдельной функции от доказательства единого принципа классификации всех падежей.

Местоимение и прилагательное

Функции местоимений строятся вокруг отношения этих слов к акту речи, а имя прилагательное непосредственно характеризует предмет. На этом основании ядро класса местоимений составляют личные и возвратное местоимения. Русское *себя* выделяется способностью относиться к разным лицам, родам и числам, не обладая при этом данными категориями; отсутствие формы именительного падежа объясняется направленностью отношения к уже установленному субъекту, являющемуся одновременно и объектом действия [3, с. XXIV–XXVI]. Функциональный подход здесь дает содержательный результат: свойства парадигмы соотносятся с устройством референции, а не просто запоминаются как исключения.

Однако из того же принципа выводится спорное утверждение об отсутствии формы именительного падежа у местоимения второго лица. Роль адресата фактически отождествляется с функцией обращения [3, с. XXVI]. Такое решение смешивает участника речевой ситуации с синтаксической позицией: адресат может одновременно быть подлежащим. На этом примере особенно ясно обнаруживается предел логической дедукции. Определение лица через коммуникацию продуктивно, но падежные возможности конкретной формы должны устанавливаться по ее употреблению в предложении, а не выводиться непосредственно из определения лица.

Прилагательное охватывает слова, ограничивающие содержание либо объем имени. К первому случаю относятся качественные характеристики, ко второму – количественные, притяжательные и указательные определения [3, с. XXVIII]. В результате адъективный класс оказывается шире современной категории прилагательного. Это не случайное смешение: его единство обеспечивается определительной функцией. Перенос *мой*, *сей*, *который* в данную область соответствует общей установке на разграничение называния, речевого указания и определения имени.

Наиболее уязвима трактовка *кто* и *что*. Их включение в адъективную область обосновывается восстановлением сочетаний, соответствующих «какой человек» и «какое дело» [3, с. 170–171]. Возможность объяснить значение посредством словосочетания принимается за свидетельство грамматической принадлежности, между тем сходство толкований не устанавливает тождества распределения: самостоятельное употребление *кто* не воспроизводит поведения слова *какой*, согласующегося с существительным. Вклад Модрю состоит здесь в последовательной постановке вопроса о границах местоименного класса; предлагаемое решение остается зависимым от недоказанной обязательности эллиптической реконструкции.

Обозначение числа и производность

Числительные рассматриваются в связи с определением объема имени, а их парадигмы распределяются внутри адъективного описания. Семантическая общность количества, таким образом, не превращается автоматически в отдельную часть речи. Объяснение собирательных *двое*, *трое* и подобных форм вновь использует подразумеваемое имя, в данном случае слово *число* [3, с. 172]. Такое развертывание позволяет включить различающиеся по

форме единицы в общую схему, однако не заменяет анализа реальных ограничений их сочетаемости.

Разделы о производных именах, уменьшительных образованиях и степенях значения показывают интерес к регулярным изменениям содержания слова, выходящим за пределы собственно склонения. Методологически важно различать эту семантическую градацию и грамматическую степень сравнения: уменьшение предмета, эмоциональная оценка и интенсивность признака в сравнении не образуют одной категории. Модрю делает их сопоставимыми в общей теории модификации значения, но именно сопоставимость должна отличаться от категориальной единицы.

Глагол и предикация

Определение глагола раскрывается через разложение конкретного высказывания на существование и приписываемую характеристику. Латинское *scribit* соотносится с *est scribens*, а глагол *быть* получает особое положение абстрактного глагола [3, с. XXIX–XXXIII]. Речь идет не просто о действии: класс глаголов связывается с установлением предикативного отношения. Тем самым Модрю избегает ограничения класса словами физической активности. Но аналитическое разложение является метаязыковым представлением значения; оно не доказывает, что каждая русская личная форма морфологически состоит из связки и причастия.

В подробном описании взаимодействуют несколько классификаций: первообразные и производные, простые и сложные, однократные и частотные, прямые и возвратные глаголы, а также разновидности по началу, завершению и изменению состояния [3, с. 222–225]. Разветвленность разрядов свидетельствует о внимании к семантике действия. Однако эти признаки принадлежат разным уровням:

словообразовательная структура не совпадает с переходностью, а характер протекания действия – с залогом. Поэтому многочисленность наименований следует оценивать как попытку систематизации наблюдений, а не как свидетельство уже завершенной теории вида или способов действия.

Особенно показательно учение о восполнении форм одного глагола формами родственных инфинитивов. Для *колоть* привлекаются *поколоть*, *кольнуть*, *калывать*; аналогичным образом сопоставляются *двигать*, *двинуть*, *двигивать* [3, с. 217–219]. Общность основного значения позволяет Модрю рассматривать такие единицы как источник недостающих парадигматических позиций. При этом он признает дополнительные смысловые различия между ними. Возникает внутреннее противоречие: если различия существенны для употребления, заполнение одной парадигмы материалом нескольких глаголов не может считаться чисто формальной операцией.

Историческая значимость этого решения заключается в обнаружении особой связанности русских глаголов, которую обычная парадигма спряжения одного инфинитива не передает. Ограничение состоит в трактовке связи как восполнения временных форм без самостоятельного определения видовой оппозиции. В современном сопоставлении следовало бы отдельно проверить лексическое тождество, аспектуальную характеристику и повторяемость. У Модрю эти измерения еще пересекаются; его замечания о недостаточности и избыточности парадигм фактически фиксируют несоответствие русского материала заранее избранной модели [3, с. 217–219, 226–227].

Сопоставление с французским языком вместе с тем позволяет установить конкретные формальные зависимости. Модрю связывает отчетливость личных окончаний русского глагола с возможностью употребления глагольных форм без

выраженного личного местоимения, сравнивая *читаю* и *читаешь* с французским *lis* [3, с. 228–229]. Это наблюдение существенно как попытка объяснить синтаксическое различие через морфологическое устройство.

Временные и модальные значения

Система времен организуется при помощи категорий относительности, определенности и предшествования. Вместе с тем приставка способна интерпретироваться как средство восполнения отсутствующей временной формы. В результате словообразование включается в устройство спряжения. Объяснение действительно отражает тесную связь русской приставочной производности с аспектуальными и временными различиями, но не устанавливает границы между образованием нового глагола и реализацией грамматической формы.

Более последовательно разграничены значения повелительности. Модрю отвергает умножение числа будущих времен, различая будущую перспективу требуемого действия и настоящую перспективу волеизъявления говорящего [3, с. 229]. В данном случае семантический анализ ограничивает механическое расширение парадигмы. Отнесенность осуществления действия к будущему не признается достаточным доказательством отдельного будущего времени, так как необходимо учитывать момент самого речевого акта. Это положение содержательно отличается от случаев, где различия на основе разных приставок непосредственно определяются как временные.

Подчинительное наклонение русского глагола описывается через сочетания уже имеющихся форм с *чтобы* и *дабы*, сопоставляемые с французскими временными разновидностями subjonctif [3, с. 216]. Тем самым отсутствие особого окончания не препятствует признанию соответствующего значения. Сопоставление средств выражения в

русском и французском языках необходимо отделять от утверждения об одинаковой организации двух языковых систем.

Причастие и деепричастие

Причастие и деепричастие различаются прежде всего типом отношения: причастие соотносится с именем, тогда как деепричастие определяет обстоятельства осуществления действия. Модрю рассматривает русское деепричастие на фоне латинского герундия и соответствующих средств других языков и отмечает его неизменяемость [3, с. 234–240]. Сопоставление позволяет избежать буквального отождествления форм на основании переводной эквивалентности.

В причастии соединяются глагольная семантика и адъективное согласование, поэтому его включение в класс прилагательных не означает отрицания связи с глаголом, а указывает на приоритет синтаксического отношения к определяемому имени [3, с. 237–240]. Продуктивность решения обнаруживается в возможности описать промежуточный статус формы, но общая классификация нуждается в различении уровня образования и уровня функционирования: производность от глагола и зависимость от имени не могут служить причиной взаимоисключающих определений.

Предлог

Теоретическое описание предлога непосредственно соединено с сенсуалистической интерпретацией познания, и Модрю предваряет его рассуждением о чувственном происхождении идей и переносе пространственных характеристик на отвлеченные понятия [3, с. LXI–LXII]. Предлог определяется через отношение между предшествующим и последующим членами предложения (имеются в

виду случаи расположения предлогов после существительных, как иногда бывает, например, во французском или латыни), а управление русскими косвенными падежами связывается с различиями значения, включая движение и положение [3, с. LXIII–LXVI]. Тем самым данный класс служебных слов получает содержание через конструкцию, а не рассматривается как изолированный эквивалент французских предлогов.

Приставки объединяются с предлогами на основании происхождения и способности модифицировать отношение. Модрю допускает ослабление самостоятельного значения при присоединении к глаголу, но затем оговаривает, что строгий анализ не позволяет полностью лишить предлог его исходного свойства [3, с. LXVI]. Это колебание показательно: наблюдаемая специализация элемента вступает в конфликт с требованием постоянства общего определения.

Наречие

Наречие характеризуется как определитель глагола, прилагательного или другого наречия и объясняется посредством предложно-именного развертывания. При этом привлекаются также русские образования, соотносимые с творительным падежом имени или прилагательного [3, с. LXVI–LXX]. Здесь необходимо различать функциональную эквивалентность, морфологическую структуру и историческое происхождение: возможность передать значение словосочетанием сама по себе не доказывает происхождения каждого наречия из соответствующего сочетания. Модрю последовательно использует первый прием, но не всегда ограничивается им.

Восемь семантических разрядов наречий охватывают образ действия, количество, порядок, место, расстояние, время, распределение и причину. Автор одновременно признает условность подобных делений и возможность

совмещения обстоятельственных значений [3, с. LXX–LXXI]. Это важная оговорка против представления о полностью жесткой классификации. Различение сочетания нескольких наречий (*очень внимательно*) и неоднородного по составу выражения с наречной функцией (*с большим вниманием*) также показывает стремление обособить грамматический адвербиальный класс [3, с. LXXI–LXXII].

Союз, междометие и энклитические элементы

Союз связывает, по мнению Модрю, предложения, хотя внешне может соединять отдельные слова. Сочетание качественных определений при одном субъекте раскрывается как соединение двух полных предикаций; один из повторяющихся компонентов устранен эллипсисом [3, с. LXXII–LXXIV]. Такое объяснение позволяет соотнести координацию со структурой мысли, однако не доказывает, что любое сочетание однородных членов действительно представляет сокращенное сложное предложение; здесь вновь следует различать допустимую смысловую парафразу и единственную грамматическую интерпретацию наблюдаемой структуры.

Междометие отличается от остальных классов функцией выражать душевное состояние. Ему приписывается первичность в развитии человеческих способностей, поскольку эмоции предшествуют оформленной идее; в изложении оно, напротив, занимает последнее место [3, с. IX–X]. Это расхождение объясняет дидактическую организацию материала: порядок усвоения системы не воспроизводит предполагаемый порядок возникновения речи. Вместе с тем аффективная функция не обеспечивает четкой формальной границы между междометием и другими эмоционально окрашенными средствами.

Энклитические элементы привлекаются при объяснении наклонения и внутреннего устройства глагола. Их

соединение с союзом и формой времени участвует в передаче условного либо подчинительного значения; морфемы *-ся* и *-сь* восходят к местоимению *себя* [3, с. LXXIII, 224–225]. Для оценки вклада важно не переносить автоматически термин «энклитика» на современный класс частиц: у Модрю объединение основывается также на присоединении и отсутствии полной самостоятельности. Первая часть дает материал для анализа функций этих элементов, тогда как специальная глава посвящена им во второй части.

Учение о синтаксисе

Синтаксис сводится к отношениям тождества, определения и приложения. Конкретное расположение слов допускает инверсию, транспозицию и эллипсис; ораторский порядок признается естественным наряду с аналитическим, поскольку связан с переживаниями говорящего [3, с. LXXIV–LXXIX]. Следовательно, описание не сводится к требованию единственной линейной схемы.

Завершающее первую часть объяснение «ремате-клога» показывает намерение соединить грамматику с систематическим представлением глагольной лексики. Условные обозначения разграничивают основу и окончание, отмечают отсутствующие формы и альтернативные образования [3, с. 240–242]. Его дальнейшее содержание рассматривается в исследованиях Аршимбо и Хасслер (см. 1; 7).

Вклад французского труда состоит прежде всего в выявлении связей между грамматическими уровнями: флексия соотносится с порядком слов, лицо – с актом речи, производность глагола – с семантической организацией действия, а определительные слова – с операциями над содержанием и объемом понятия. Наиболее спорны те объяснения, в которых аналитическая парафраза получает статус доказательства морфологического устройства или

исторического происхождения. Именно эта двойственность позволяет рассматривать труд как содержательный этап рационального описания русского языка, не приписывая ему окончательных решений более позднего языкознания.

2.4.2. «Основательное сокращение российской грамматики» 1808 года

Назначение книги и система частей речи

Композиция «Основательного сокращения» соединяет нормативную задачу с аналитическим расчленением языкового материала. Грамматика определяется через правильность речи и письма; ее содержание охватывает «произведение» и «сочинение слов», произношение и правописание, а сведения о звуках и буквах, частеречная классификация, парадигмы, синтаксис и стихосложение образуют последовательность перехода от элемента к организованному речевому целому [6, с. 1–7, 86–118]. При такой организации описание формы служит предпосылкой ее функционального истолкования, хотя формальные и логические основания не всегда согласованы.

В предисловии автор уточняет отношение книги к французскому двухтомнику 1801 года. Модрю связывает грамматику и букварь с переработкой двух ранее изданных по распоряжению Екатерины II учебных книг, сообщая об исправлении ошибок, изменении расположения материала и повышении ясности. Сокращение собственных «Élémens raisonnés» он упоминает как возможную последующую публикацию, поэтому распространенную характеристику издания 1808 г. как простого сокращенного перевода французской грамматики необходимо ограничить: непосредственное авторское свидетельство указывает на более сложную историю текста [6, с. V–VII; срв. 2, с. 23].

Частеречная классификация охватывает следующие классы слов: имя, местоимение, прилагательное, глагол,

предлог, наречие, союз, междометие, частица, и опирается на неоднородные признаки. Деление первых четырех классов и остальных пяти на изменяемые и неизменяемые имеет формальный характер, тогда как определения самих частей речи преимущественно семантические или функциональные [6, с. 7]. Поэтому классификация не выводится из единого основания: морфологический критерий носит организующий характер, но не распространяется на абсолютно все случаи. Исследовательски значим именно способ согласования разных критериев, а не арифметическое увеличение числа частей речи.

Самостоятельность прилагательного следует рассматривать во взаимосвязи с сужением местоименного класса и адъективной трактовкой причастия. Речь идет о перераспределении категориальных функций: обозначение предмета отделяется от его определения, а субститутивность – от атрибутивной характеристики. Частица, в свою очередь, вводит особую область служебных значений, не исчерпываемых отношением, обстоятельством или соединением. В этом состоит системное значение классификации 1808 г. Вопрос об абсолютном хронологическом первенстве отдельных решений требует самостоятельного сопоставления более широкого корпуса грамматик и не предрешается самим наличием этих решений у Модрю. Автор, как было уже отмечено, находится под влиянием идей универсальной грамматики.

Имя и падежные отношения

Определение имени через обозначение лица или вещи задает предметно-семантический критерий, который конкретизируется в различении собственных, нарицательных и собирательных имен. Противопоставления типа *Иван*, *Москва*, *Нева*, *Урал – человек*, *город*, *река*, *гора* характеризуют способы номинации, тогда как *школа*, *войско*,

толпа выделяются в разряд имен собирательных по значению совокупности [6, с. 7–8]. Здесь пересекаются два классификационных критерия: характер соотнесения имени с предметом и внутренняя организация обозначаемого множества.

В трактовке рода семантическое определение дополняется дистрибутивной проверкой: родовая принадлежность устанавливается подстановкой местоименных форм *сей*, *сия*, *сие*; общий род допускает соотнесение с *сей* и *сия*, как в примере *порука*. Операция подстановки переводит категорию в проверяемое отношение согласования, но вместе с тем она предполагает уже известную носителю языка сочетаемость и потому не объясняет происхождения родовых различий. Пары типа *царь – царица*, *мастер – мастерица* указывают на средства словообразовательного выражения пола [6, с. 8–9]. Сосуществование этих приемов показывает поиск операционального определения при сохраняющемся смешении грамматической и номинативной классификации.

Четырехчленная система склонений представляет попытку организовать формальное многообразие через ограниченный набор парадигм. Выделяются имена м. и ж. р. на *-а*, *-я*; общий тип имен м. и ср. р.; особая группа на *-я*, включающая *знамя* и исторические названия детенышей; женские имена на мягкий согласный (*-ь*). Указания на изменения основы типа *лев – льва*, *день – дня*, *мать – матери* препятствуют сведению словоизменения к механической замене окончания [6, с. 15–24]. Классификационный признак здесь – соотношение словоформ внутри образца, а прикладная эффективность такой модели определяется не числом склонений, а возможностью соотнести регулярность окончания с изменениями основы.

Интерпретация числа сохраняет семантическую оппозицию единичности и множественности, но учитывает ограничения парадигмы: лексемы типа *золото*, *молоко*,

любовь противопоставляются словам типа *сани*, *вилы* как единицы, употребляющиеся только в единственном числе. Утверждение о присоединении к женскому роду всех имен pluralia tantum основано прежде всего на формальной аналогии [6, с. 24]. При отсутствии формы единственного числа совпадение окончаний не обеспечивает надежной родовой идентификации, и подобные случаи выявляют внутреннюю непоследовательность метода: дистрибутивный критерий рода уступает внешнему сходству форм именно там, где возможность подстановочного контроля ограничена.

Семичленная падежная система, включающая именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный падежи, сохраняет традиционную номенклатуру, однако ее содержание не исчерпывается набором окончаний. Вопросы, задаваемые к каждой граммеме, и примеры служат средствами семантико-синтаксической идентификации. Так, творительный представлен как при обозначении действующего лица в пассивной конструкции, так и при обозначении средства: *похвала родителями и учителями*; *ободрение похвалою и награждением* [6, с. 14–15]. Совпадение формы объединяет функционально различные отношения; сама организация примеров тем самым допускает более дифференцированное понимание падежа, чем его краткая дефиниция.

Местоимение и предел субститутивной функции

Сужение местоименного класса в грамматике 1808 г. обусловлено приоритетом функции слов-заместителей. Ядро составляют личные местоимения и «возвратительное» *себя*, а категории лица, числа, рода и падежа описываются в пределах этого разряда. Определение трех лиц через говорящего, адресата и того, о ком сообщается, связывает парадигму с распределением участников речевого акта [6, с. 25–28].

Тем самым местоименная система получает функциональное основание, отличное от предметной семантики имени. Однако субституитивность оказывается одновременно критерием включения и средством исключения единиц, которые традиционно объединялись в более широкий класс.

Притяжательные, указательные, определительные и относительные слова в значительной части отнесены к прилагательным. Модрю прямо возражает против включения соответствующих единиц в местоимения, как это делалось во многих учебниках, в связи с чем в адъективный класс попадают *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *сей*, *тот*, *который*, а также *кто* и *что*. Автор объясняет данный факт подразумеваемыми сочетаниями *какой человек* и *какое дело* [6, с. 35–39, 118].

Перераспределение местоименных единиц обнаруживает конкуренцию функционального и логико-парафрастического критериев. Для *мой*, *твой*, *сей* или *который* адъективная трактовка опирается на способность определять имя, в то время как для *кто* и *что* она обосновывается восстановлением подразумеваемого сочетания. Во втором случае парафраза замещает анализ непосредственной сочетаемости: *кто* и *что* не демонстрируют той же согласовательной дистрибуции, что притяжательные и относительные определения. Следовательно, последовательность общего замысла не обеспечивает однородности классификации. Значение решения Модрю состоит в экспликации проблемы границ класса, тогда как ее конкретное разрешение остается зависимым от принятой модели эллипсиса.

Прилагательное и его грамматические категории

Выделение прилагательного в самостоятельную часть речи переводит противопоставление предмета и признака в классификационный принцип. Определение через качество

лица или вещи поддерживается системой родовых окончаний, полных и кратких форм, степеней сравнения и двух типов склонения [6, с. 9–13, 28–35]. Частеречная самостоятельность прилагательного имеет и синтаксическое следствие: согласование связывает два различных класса – адъективы и субстантивы, а не выступает лишь частным случаем изменения имени [6, с. 91–92]. Поэтому значение этого классификационного решения раскрывается в соотношении номинации, словоизменения и зависимости признакового слова от определяемого.

Модель образования компаратива от краткой формы женского рода (срв.: *полезна – полезнее, дорога – дороже, крепка – крепче, чиста – чище*) представляет характерный случай сближения дидактической и объяснительной процедур [6, с. 11]. Подстановка позволяет выделить основу и чередования, но сама по себе не устанавливает историко-деривационной зависимости сравнительной степени от женского рода. Здесь необходимо различать алгоритм получения формы и теорию ее образования: у Модрю операциональная доступность первого фактически служит основанием второго, что соответствует общей установке на аналитическую воспроизводимость грамматического знания.

В трактовке суперлатива объединяются образования на *-ейший*, сочетания с *самый* и формы с *пре-*; употребительные *наи*-образования одновременно оцениваются как неправильные [6, с. 11–12]. Такая организация материала выявляет две проблемы: во-первых, интенсивность признака не последовательно отделена от сравнения с множеством носителей признака; во-вторых, нормативная оценка не выводится непосредственно из констатации употребления. Грамматическая система выполняет здесь селективную функцию: эмпирически фиксируемая форма может быть исключена из нормы на основании теоретического предпочтения.

Имена числительные

Описание числительных выявляет несовпадение семантического единства и частеречной принадлежности. Количественные и порядковые единицы преимущественно включены в прилагательные, тогда как *тысяча* и *миллион* характеризуются как имена числительные [6, с. 12–13]. Модрю тем самым распределяет сферу количества между классами, ориентируясь на различные грамматические признаки. Отсутствие единого класса не означает отсутствия наблюдения над лексико-семантической категорией; напротив, ее неоднородность становится основанием классификационного решения.

Склонение числительных распределено между несколькими образцами. Слова *сорок*, *девяносто*, *сто* рассматриваются рядом с определенными именными парадигмами, формы от *пяти* – с другим склонением; отдельно представлены *один*, *два*, *три*, *четыре*, *оба*, *двое*, *трое*, *полтора*. Такая организация позволяет усваивать числовые обозначения через уже известные модели, но одновременно она показывает, что семантическое единство класса не совпадает с единством словоизменения [6, с. 20, 23, 36–40].

Распределение слов, обозначающих количество, между именными и адъективными парадигмами сохраняет установку французского труда: значение количества не признается достаточным основанием выделения отдельного класса. В изложении это решение облегчает сопоставление с уже освоенными образцами склонения, но оставляет открытым вопрос о единстве числительного как части речи.

Глагол: залог, наклонение, время и вид

Описание глагола наиболее отчетливо выявляет конкуренцию логико-семантического и формального

подходов. Определение данного класса через образ бытия, действие и страдание задает широкую семантическую рамку, внутри которой различаются действительный, страдательный, средний и возвратный залоги. При этом в действительном залоге действие может переходить на другое лицо либо оставаться при деятеле [6, с. 41–42]. Переходность, следовательно, учитывается, но не получает статуса независимого классификатора. Ее включение в семантический спектр залога делает систему чувствительной к характеру участников ситуации, одновременно затрудняя разграничение лексической семантики и грамматической формы.

Неоднородность критериев отчетливо проявляется при сопоставлении остальных залогов. Страдательный определяется через сочетание причастия с *быть* или *бывать*, возвратный – через направленность действия на деятеля и формант *-ся*, *-сь*, средний – через семантику состояния, как в *стою* и *сплю* [6, с. 42]. Формальная конструкция, словообразовательный показатель и значение лексемы оказываются основаниями одного уровня. Выведение постфикса *-ся* из *себя* объясняет мотивировку форманта, но не исчерпывает распределения его функций. Поэтому залоговая классификация представляет содержательную систематизацию разных признаков, а не последовательную систему взаимно исключающих морфологических оппозиций.

Пятичленная система наклонений – неокончательное, изъявительное, предположительное, повелительное, подчинительное – также объединяет признаки разных уровней. Неокончательное охватывает неличные формы и определяется отсутствием категории лица; предположительное связано с условностью, подчинительное – с зависимым представлением действия. Конструкции с *чтобы*, *дабы*, *да* вводят в классификацию синтаксические средства [6, с. 42–45]. Следовательно, наклонение понимается шире

специальной глагольной парадигмы: оно характеризует способ представления действия в составе высказывания. Сильная сторона такого подхода – учет аналитического выражения значений; ограничение – недостаточное разведение модальности, финитности и подчинения.

Указание на отсутствие особых окончаний у предположительного и подчинительного наклонений свидетельствует, что эта неоднородность не остается незамеченной самим автором. Соответствующие значения выражаются формами изъявительного наклонения при помощи дополнительных слов (срв.: *Александр, Царь Македонский,* ***оказал бы*** *себя действительно великим мужем,* ***естьли бы*** *он укротил свои страсти*; *Никому не приятно,* ***чтобы*** *кто худо о нем* ***говорил***; *Исполнение должностей наших* ***да будет*** *без корысти и принуждения* – 6, с. 44–45). Модрю различает морфологические средства выражения и целостное значение конструкции, но сохраняет их в общей системе наклонений. Здесь приоритет семантической задачи над формальной классификацией имеет двойственное следствие: расширяется предмет грамматического анализа, однако размываются основания разграничения собственно парадигматических категорий.

Система изъявительного наклонения включает шесть времен: настоящее неотносительное, настоящее относительное, прошедшее, прешедшее, будущее неопределенное и будущее определенное. Относительность поясняется соотношением двух действий: *я к тебе писал, когда от тебя получил письмо*. Форме *написал* приписывается значение совершившегося действия, а образованиям типа *предсказывал* – значение действия, предшествующего другому минувшему событию. Традиционные названия *несовершенно прошедшего*, *совершенно прошедшего* и *давно прошедшего времени* Модрю считает неудовлетворительными [6, с. 45–46].

Временная классификация исходит из необходимости соотнести действие как с моментом речи, так и с другим событием. В этом отношении терминологический пересмотр мотивирован содержательной проблемой, однако противопоставление *писал – написал* интерпретируется преимущественно во временной перспективе, а образования на *-ыва-* связываются с предшествованием. Видовая характеристика, повторяемость и относительное время не получают независимых критериев, поэтому расширение временной номенклатуры компенсирует недостаточную дифференциацию категориальных оснований: система регистрирует реальные различия форм, но распределяет их по более общей шкале, чем допускает русский материал.

Разграничение будущего неопределенного и будущего определенного особенно ясно выявляет это несоответствие. Формы типа *буду писать* и *напишу* противопоставляются по определенности времени осуществления [6, с. 46–47]. Существенная оппозиция связана с видовым представлением действия, которое нельзя вывести из одной лишь временной локализации. Следовательно, наблюдаемая формальная корреляция установлена, но ее категориальное истолкование остается недостаточным.

Замечание о раздельном образовании формы *буду писать* и соединении приставочного элемента с глаголом в *напишу* дополняет семантическое противопоставление анализом формы [6, с. 47]. Различаются аналитический и внутрисловный способы выражения, однако это различение не решает вопроса о статусе приставки. В одной объяснительной модели совмещаются построение временной формы и образование видово или лексически отличной единицы. Методологически значимо само обращение к составу выражения; ограничение состоит в

отсутствии независимого разграничения словоизменения и словообразования.

Особое положение глагола *быть* подчиняет глагольную морфологию теории предикации. Разложения *пишу – есть пишущий* и *читает – есть читающий* выделяют акт приписывания признака как собственно глагольное отношение [6, с. 68–69]. В пределах рациональной модели такое решение последовательно: лексическое содержание отделяется от утверждения его связи с субъектом, но перенос этой модели на морфологическую структуру создает ложную эквивалентность между логическими компонентами и языковыми единицами. Вклад данного анализа следует связывать с экспликацией предикативного отношения, сохраняя различие между метаязыковой парафразой и реальной формой русского высказывания.

Причастие и деепричастие

Причастие занимает в грамматике 1808 г. позицию пересечения глагольного и адъективного классов. Определение его как прилагательного сочетается с включением в неличные формы глагола: род, число и падеж соотносят причастие с именем, а вид и залог – с глагольной семантикой. Парафраза *читающий – который читает* переводит это пересечение в отношение между словом и предложением [6, с. 45, 77–79]. Отказ от выделения в самостоятельную часть речи не устраняет двойственности, а меняет способ ее представления: морфологическая форма и логическое развертывание выступают взаимодополняющими характеристиками единицы.

Образование причастий и деепричастий описывается через соотнесение с формами глагольной парадигмы: *читаю – читающий*, *любят – любящий*, *почитал – почитавший*; *знаю – зная*, *почитал – почитав* [6, с. 76–79]. Такая процедура подчеркивает регулярность межформальных

отношений и соответствует общей дидактической установке Модрю. Вместе с тем перенесение временной классификации на неличные формы воспроизводит ее ограничения: категориальная характеристика не выводится непосредственно из формального образца. Тем самым материал подтверждает необходимость отделить способ образования от семантики и синтаксической функции.

Предлог

Описание предлога соединяет реляционную семантику с формальным управлением. В грамматике 1808 г. отношение между лицами или вещами конкретизируется перечнем падежных конструкций, различением направления и места, фиксацией многопадежного управления и падежных вариантов *между* ***людей*** *– между* ***людьми*** [6, с. 80–81]. Такое построение предполагает, что значение не закреплено исключительно за предлогом или падежом, а реализуется в их сочетании. Вместе с тем пространственные вопросы типа *куда* и *где* оказываются лишь частично полезными: их объяснительная применимость ограничивается соответствующим типом отношений.

Предложная система тем самым обнаруживает предел изолированного морфологического анализа, поскольку падежная форма приобретает определенную интерпретацию в конструкции, а управление предлога может зависеть от типа выражаемого отношения. Для общей оценки рассматриваемых грамматик существенно, что реляционная установка здесь получает проверяемое формальное содержание, однако переход от пространственных противопоставлений к переносным и отвлеченным употреблениям требует более дифференцированного учета лексической семантики.

Наречие

Класс наречия в системе 1808 г. отличается особенно широким функциональным объемом. Наряду со временем, местом, качеством, количеством, числом и порядком выделяются уверение, отрицание и противность: слова типа *теперь*, *здесь*, *хорошо*, *много* объединяются с *да*, *не*, *однако* [6, с. 81–82]. Следовательно, в одной части речи совмещены характеристика действия, модификация утверждения и связь предложений, но эта неоднородность определяется недостаточным разграничением уровней, к которым относится неизменяемая единица: отдельного признака, целого высказывания или отношения между высказываниями.

Степени сравнения, например *близко – ближе*, и различение простых и сложных наречий дополняют семантическую сегментацию формальными наблюдениями. Возражение против включения слова *нет* в наречия и предложение считать его именем свидетельствуют о распознавании классификационной трудности [6, с. 82–83], однако отрицание традиционной принадлежности еще не устанавливает положительного критерия новой. В результате система фиксирует несоответствие конкретной единицы общему определению класса, но разрешает его посредством переноса в другой класс без достаточно развернутого обоснования.

Союз

Определение союза через соединение смыслов, внешне выраженное связью слов, непосредственно подчиняет частеречную характеристику логическому отношению. Соединительные, разделительные, условные, противительные и «винословные» союзы классифицируются по типу этого отношения; многословные союзные выражения включаются в ту же область [6, с. 83–84]. Единицей

описания, следовательно, становится средство связи независимо от его графической длины. Такой функциональный подход продуктивен, но требует последующего разграничения связи слов, предикативных частей и более крупных смысловых единств.

Восстановление по смыслу фразы *я мог* после союза *чтобы* в предложении *Я не имею времени довольно, чтобы упражняться в науках* показывает зависимость анализа союза от теории эллипсиса [6, с. 84]. Инфинитивное выражение интерпретируется как сокращение личной конструкции, соответствующей общей модели предложения, однако вводимый глагол *мог* добавляет модальное содержание, которое исходная конструкция не обязательно выражает. Здесь проявляется принципиальная трудность аналитической парафразы: реконструкция объясняет наблюдаемую структуру лишь при условии сохранения ее значения.

Междометие и частица

Междометия определяются как средство выражения чувств – радости, печали, удивления, презрения, боязни [6, с. 84–85]. Основание выделения этих лексем отличается от предметного, признакового или реляционного значения других классов: в центре находится отношение говорящего к ситуации. В современной аналитической терминологии это может быть охарактеризовано как прагматический критерий, однако сам Модрю не противопоставляет его последовательно семантической классификации. Тем самым междометие обозначает область, в которой грамматическая система соприкасается с организацией речевого акта.

Самостоятельный статус частицы в грамматике 1808 г. позволяет выделить служебные значения за пределами предлога, союза и наречия. Краткость слова или слоговой характер сопровождаются функциональными

признаками частицы: *бы* (и ее вариант *б*) участвует в выражении наклонения, другие частицы могут выполнять усилительную или уточняющую функцию; в перечень включены также *же*, *се*, *не*, *вот* [6, с. 85]. Формальная дескрипция оказывается не очень детальной, однако функциональное описание намечает особую область модификации высказывания, и именно эта область, а не краткость единиц, составляет содержательное основание данного класса.

Пересечение разрядов частиц показывает незавершенность проведенного разграничения: слово *не* одновременно фигурирует среди наречий отрицания и частиц [6, с. 82, 85]. Такая вариативность не устраняется простым сопоставлением с современной системой частей речи и она свидетельствует о конкуренции критериев классификации. Вклад Модрю в данной области заключается в выделении междометий и частиц в самостоятельный класс, но состав данного класса остается теоретически неоднородным.

Синтаксический анализ

Синтаксическая концепция 1808 г. строится как иерархия единиц: слово, выражение, предложение, период, речь, а пунктуация соотносится с членением этого целого [6, с. 86–91]. Тем самым сочинение слов не ограничивается локальной связью двух компонентов, а включается в организацию последовательного высказывания. Для оценки подхода существенно единство грамматической и текстовой перспектив: анализ формы должен объяснять не только допустимость сочетания, но и степень завершенности выражаемой мысли.

Противопоставление грамматического и логического предложения конкретизирует различие формальной организации и смысловой завершенности. Пример, приведенный Модрю – *дабы он сделался полезным своему отечеству*,

признается грамматическим предложением, однако логическое целое возникает при его соединении с предшествующим предложением – *Демосфен упражнялся в красноречии*. Пять членов – *подлежащее*, *приписательное*, *предмет*, *предел*, *обстоятельственное* – описывают внутреннюю структуру предикативного отношения и способы его распространения [6, с. 87–90]. В результате синтаксическая самостоятельность оказывается градуированной: наличие организованной предикативной структуры не тождественно завершенности мысли.

2.4.3. Преемственность и расхождения двух описаний

Сопоставление рассматриваемых пособий показывает устойчивость нескольких решений: особое положение глагола *быть*, определение местоимения через лицо, расширенный объем прилагательного, аналитическую трактовку причастия и объяснение сложных форм посредством более простых отношений. При этом грамматику, изданную в России, нельзя считать механическим сокращением французского труда. Собственное указание Модрю на переработку ранее существовавших учебных пособий устанавливает иной непосредственный источник его композиции [6, с. V–VII]. Преемственность теоретической установки не подразумевает прямого переноса всех классификаций.

Граничные предикативные единицы показывают неоднородность описания и проблемы классификации. Во французском описании слова *льзя* и *нельзя* включены в одноличные глаголы, а *надобно* и *можно* истолкованы через адъективную конструкцию. В «Основательном сокращении» отдельное замечание касается другой единицы – *нет*: отвергается ее наречная квалификация и предлагается отнесение к имени [3, с. 227–228; 6, с. 82]. Эти случаи нельзя представлять как изменение классификации одного и того же слова,

но они свидетельствуют о поиске границ адвербиального класса.

В описании глагола обе книги связывают временную организацию с производностью, но в «Élémens raisonnés» обнаруживаются трудности такого объединения: восполнение парадигмы родственными инфинитивами сопровождается признанием смысловых различий. В грамматике, изданной в России, система делается более обозримой и удобной для преподавания, одновременно уменьшая пространство для обсуждения ее внутренних противоречий. Поэтому исторический вклад следует оценивать по совокупности двух форм изложения: развернутая аргументация выявляет проблему, а систематизация в учебных целях показывает, какие решения автор считал пригодными для регулярного обучения.

2.5. Критика Н. М. Карамзина и проблема критериев грамматического объяснения

Рецензия Н. М. Карамзина «О русской грамматике француза Модрю», опубликованная в «Вестнике Европы» в 1803 г. (ч. 10, № 15, с. 204–212), представляет собой не только отрицательную оценку парижского двухтомника, но и столкновение критериев научной убедительности. Полемика направлена против несоответствия между высокой оценкой труда во французской печати и точностью предложенных объяснений [5, с. 204–205]. Карамзин выступает против перехода от отдельных языковых наблюдений к общим выводам о строе русского языка, его истории и выразительных возможностях.

Терминологическая критика затрагивает вопрос о соотношении номенклатуры и доказательства: изобилие греко-латинско-французских названий воспринимается Карамзиным как признак недостаточной мотивированности описания, если новые обозначения не соответствуют

установленным различиям [5, с. 204; 1, с. 20–21]. В этом возражении следует различать полемическую реакцию на непривычный метаязык и методологическое требование, при этом категория должна обосновываться свойствами материала, а не авторитетом ее наименования. Последнее непосредственно относится к выявленной неоднородности классификационных критериев у Модрю.

Возражения в области синтаксиса касаются отождествления вариативности порядка слов со смысловой эквивалентностью. Карамзин сопоставляет предложения *Солнце плодотворит землю*, *Землю плодотворит солнце*, *Плодотворит солнце землю* и связывает перестановку порядка слов с изменением смысла фразы [5, с. 205]. Сохраняющееся падежное маркирование позволяет идентифицировать участников ситуации, но не устраняет различий в семантической организации высказываний. Таким образом, Н. М. Карамзин обнаруживает уровень, не охваченный логической инвариантностью отношений, где конструкция обладает собственной коммуникативной значимостью.

Позиция Карамзина при этом не должна интерпретироваться как современная теория актуального членения или как универсальный запрет инверсии, но исторически существенен сам критерий контекстуальной мотивированности порядка. С. Аршимбо рассматривает этот спор в связи с противоречием между предписаниями универсальной грамматики и требованием описывать реальное речевое употребление [1, с. 23–24]. Следовательно, полемика затрагивает не наличие синтаксической свободы как таковой, а границы ее объяснения посредством одной лишь системы логических отношений.

Критика лексических толкований выявляет зависимость сопоставления от языка и техники перевода. Протяженная французская парафраза русского слова еще не

доказывает исключительной выразительной «энергии» последнего. Предлагая для лексемы *часовник* французский эквивалент *les heures*, Карамзин демонстрирует возможность заменить описательное толкование компактной лексической единицей [5, с. 205–206]. Тем самым он оспаривает саму процедуру: количество слов в переводе не является непосредственным показателем сложности значения исходного слова.

Возражение против объяснения глагола *поколоть* как «немножко уколоть» направлено на механическое приписывание приставке единого количественного содержания [5, с. 205]. Семантика производного глагола не выводится без остатка из предполагаемого общего значения форманта. Сопоставление этой критики с анализом Хасслер позволяет связать частную переводческую неточность с более общей проблемой – недостаточным разграничением видовой характеристики, способа действия и лексического значения [7, с. 473–475]. Следовательно, предметом спора оказывается обоснованность композиционного объяснения производных единиц.

Этимологические возражения имеют сходную структуру. Выведение слова *язычество* из предполагаемой семантики пустословия опровергается обращением к славянскому *языкъ* ‘народ’; лексема *голубчик* объясняется посредством аналогии с изображением Святого Духа в виде голуба, а *брат – братец* через воображаемую социальную иерархию в исторической перспективе, что оценивается как произвольное и неверное [5, с. 206–207]. В этих случаях народная этимология подменяет установление исторической связи, и методологическая сила критики заключается в разграничении синхронной интерпретируемости слова и доказательства его происхождения.

Вопрос о происхождении русского языка выявляет необходимость разграничить генетическую связь, заимствование и словообразовательную продуктивность. Карамзин отвергает представление о русском и славянском как языках победителей и побежденных и указывает на славянскую природу русского языка.

Карамзин указывает, что большинство критических замечаний извлечено из одной обзорной главы, хотя привлекает и другие разделы [5, с. 211]. Выявление ошибок достаточно для опровержения соответствующих объяснений, но не для исчерпывающей оценки частеречной классификации, организации парадигм и применяемого метода описания. Различие рецепции в России и во Франции объясняется также неодинаковым предметом оценки. Во французских отзывах выделялись системность и педагогическая доступность описания; Турле связывал появление грамматики с улучшением отношений между Францией и Россией [7, с. 476]. Карамзин проверял прежде всего семантическую точность, естественность и историческую обоснованность русских примеров, но эти критерии не исключают друг друга.

3. Выводы

Проведенный анализ позволяет конкретизировать вклад Жана-Батиста Модрю как преобразование процедур описания русского языка в пределах рационально-аналитической традиции. Исходная гипотеза о значимости функционального перераспределения категорий подтверждается прежде всего устройством частеречной системы и способом перехода от формы к отношению. Историческая роль грамматиста не исчерпывается передачей французских идей русской аудитории: при их применении выявляются свойства материала, требующие изменения объема

традиционных классов и уточнения объяснительных оснований.

Влияние Пор-Рояля и французских идеологов проявляется на различных, хотя и пересекающихся уровнях. Рациональная традиция задает логическую интерпретацию предикации и аналитическое развертывание высказывания; программа идеологов связывает анализ знаков с познавательной деятельностью и обучением. Педагогическая практика объединяет эти установки в воспроизводимую процедуру разбора. В то же время ее операциональная удобность не гарантирует категориальной точности: способ получения формы или ее парафразирования не всегда объясняет грамматический статус соответствующей единицы.

Частеречная классификация в грамматике 1808 г. системно изменяет границы имени, прилагательного, местоимения и причастия, а самостоятельная частица выделяет особую область служебной модификации. Эти решения связаны между собой и потому должны оцениваться как перестройка классификационных отношений. Их ограничение заключается в неодинаковой роли критериев: в одних случаях определяющей становится функция, в других – морфологическое поведение, в-третьих – логически восстановленная конструкция. Следовательно, вклад Модрю состоит в экспликации и частичном разрешении классификационных проблем при сохраняющейся неоднородности оснований.

Описание глагола подтверждает продуктивность наблюдения и недостаточность его общей интерпретации. Учитываются переходность, аналитическое выражение модальных значений, абсолютная и относительная временная отнесенность, формальное различие типа *буду писать* и *напишу*. Однако эти характеристики не разведены с видом, повторяемостью и словообразованием, поэтому

увеличение числа времен и залога нельзя отождествить с завершенной теорией соответствующих категорий. Существенен сам переход к проблеме соотношения формы, значения и структуры действия, открывающий возможность последующего более дифференцированного описания.

Непосредственный анализ первой части книги «Élémens raisonnés de la langue russe» позволяет уточнить эту оценку. Уже здесь русский материал не только подчиняется всеобщей схеме, но и корректирует ее: это обнаруживается в предложном дательном, в различении формы волеизъявления и времени исполнения, в наблюдении над личными окончаниями. Вместе с тем теория восполнения глагольных парадигм и разнородные объяснения предикативных единиц показывают незавершенность категориального разграничения. Поэтому сопоставление пособий 1801 и 1808 гг. выявляет устойчивую исследовательскую программу, но не подтверждает последовательного устранения всех ее противоречий.

Критика Карамзина устанавливает пределы универсалистского объяснения там, где логическая схема перестает контролироваться употреблением. Смысловая роль порядка слов, зависимость толкования от перевода, различие внутренней формы и этимологии, самостоятельность словообразовательной продуктивности по отношению к происхождению слова – основные проблемные области этой полемики. Возражения существенны не только как перечень фактических ошибок: они выявляют условия, при которых языковое наблюдение может служить основанием более общего вывода.

Таким образом, наследие Модрю характеризует внутреннее противоречие рациональной грамматики на русском материале. Стремление к единому основанию способствует систематизации, но в ряде случаев нивелирует категориальные различия; обращение к функции уточняет

описание, тогда как буквальное применение аналитической парафразы ограничивает его. Историко-лингвистическая значимость этих трудов заключается в постановке и конкретной разработке проблемы соотношения универсального объяснения с языковой спецификой, и именно на этом уровне могут быть разграничены подтверждаемые результаты Модрю, продуктивные исследовательские задачи и ограничения его концепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archaimbault S. Jean-Baptiste Maudru ou le regard de la Grammaire générale française sur la langue russe // Slavica Occitania. 1998. № 6. P. 13–26.

2. Kriajeva N. Jean-Baptiste Maudru, partisan ordinaire de la grammaire générale et de la pédagogie des Lumières // Le précepteur francophone en Europe, XVIIIe–XIXe siècles / dir. V. Rjéoutski, A. Tchoudinov. Paris: L'Harmattan, 2013. P. 391–424. Электронная авторская версия: https://hal.science/halshs-00871886.

3. Maudru J.-B. Élémens raisonnés de la langue russe, ou Principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe. Première partie. Paris: Chez l'auteur; Courcier; les frères Levrault, An X (1801). Электронная копия: Bibliothèque nationale de France / Gallica. https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1266259g.

4. Teysseire D. Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française // Mots. 1988. № 16. P. 214–219.

5. Карамзин Н. М. О русской грамматике француза Модрю // Вестник Европы. 1803. Ч. 10. № 15. С. 204–212.

6. Модрю Ж.-Б. Основательное сокращение российской грамматики. Москва: Университетская типография, 1808. Электронная копия: https://elib.shpl.ru/ru/nodes/61955-modryu-zh-b-osnovatelnoe-sokraschenie-rossiyskoy-grammatiki-m-1808.

7. Хасслер Г. Представления о связи между языком и мышлением во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. и влияние идеологов в Санкт-Петербурге: пример Жана-Батиста Модрю (1740–1808) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 3. С. 463–479.

REFERENCES

1. Archaimbault S. Jean-Baptiste Maudru ou le regard de la Grammaire générale française sur la langue russe // Slavica Occitania. 1998. № 6. P. 13–26.

2. Kriajeva N. Jean-Baptiste Maudru, partisan ordinaire de la grammaire générale et de la pédagogie des Lumières // Le précepteur francophone en Europe, XVIIIe–XIXe siècles / dir. V. Rjéoutski, A. Tchoudinov. Paris: L'Harmattan, 2013. P. 391–424. Electronic author's version: https://hal.science/halshs-00871886.

3. Maudru J.-B. Élémens raisonnés de la langue russe, ou Principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe. Première partie. Paris: Chez l'auteur; Courcier; les frères Levrault, An X (1801). Electronic copy: Bibliothèque nationale de France / Gallica. https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1266259g.

4. Teysseire D. Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française // Mots. 1988. № 16. P. 214–219.

5. Karamzin N. M. O russkoj grammatike frantsuza Modryu // Vestnik Evropy. 1803. P. 10. № 15. Pp. 204–212.

6. Modryu Zh.-B. Osnovatel'noe sokrashchenie rossijskoj grammatiki. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1808. Electronic copy: https://elib.shpl.ru/ru/nodes/61955-modryu-zh-b-osnovatelnoe-sokraschenie-rossiyskoy-grammatiki-m-1808.

7. Hassler G. Predstavleniya o svyazi mezhdu yazykom i myshleniem vo Frantsii na rubezhe XVIII–XIX vv. i vliyanie ideologov v Sankt-Peterburge: primer Zhana-Batista Modryu (1740–1808) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 463–479.

Тилев Энчо Тилев
доцент, доктор филологии
Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария
Tilev Encho Tilev
Assoc. Prof., PhD
University of Plovdiv Paisii Hilendarski
Plovdiv, Bulgaria
e.tilev@uni-plovdiv.bg
Scopus Author ID: 57221782467
WoS Researcher ID: AAV-7461-2021
ORCID iD: 0000-0003-4200-2402

АКТУАЛНИ ПРОБЛЕМИ В ЛИНГВИСТИКАТА

Надежда Стойкова, Дияна Николова

https://doi.org/10.46678/AEZN5410

CURRENT ISSUES IN LINGUISTICS

Nadezhda Stoykova, Diyana Nikolova

На 28 април 2026 г. Катедрата по руски език и Центърът по русистика беше домакин на научен семинар на тема *„Актуални проблеми в лингвистиката“*, който събра представители на академичната общност, преподаватели, докторанти и студенти с интерес към съвременните езиковедски изследвания и премина при засилен интерес от страна на участниците. Събитието се превърна в пространство за научен диалог, обмен на идеи и обсъждане на актуални проблеми в съвременното езикознание.

Първият доклад в рамките на научния семинар беше представен от проф. д.ф.н. Стефана Димитрова. Тя изнесе лекция на тема *„Конкуренцията на езиковите форми“*, в която разгледа различни аспекти на езиковата динамика и взаимодействието между конкурентни форми в различните езикови равнища.

Един от ключовите принципи, върху които проф. Стефана Димитрова гради своите изследвания, е, че езикът по своята природа съдържа излишъци. Когато човек говори, той избира между различни форми, защото в езика съществуват множество названия и начини за изразяване на едно и също явление. Тази привидна „излишност“ всъщност

е механизъм за самозащита на езика: ако една форма отпадне или се загуби, тя трябва да бъде компенсирана от друга. Именно този факт насочва вниманието на изследователката към различните езикови равнища и към начина, по който езикът съхранява своята устойчивост.

Важна за нейните разсъждения е и идеята на Н. Д. Арутюнова, че „понякога езикът може това, което действията не могат“. Чрез езика хората изразяват отношения на близост, дистанция, уважение или отчуждение по начин, който не може да бъде постигнат единствено чрез действия. Макар езикът да произтича от човешкото мислене, той едновременно с това влияе върху човека, към когото е насочено съобщението.

Ст. Димитрова обръща специално внимание и на терминологията в лингвистиката. Според нея изборът на терминологичен код показва принадлежност към определена научна школа. По този въпрос тя се позовава на Т. М. Николаева и нейните изследвания в поредицата *„Новое в лингвистике“*, особено тома, посветен на текстовата лингвистика. Николаева проследява различните терминологични системи и ясно очертаните граници между отделните лингвистични направления.

Когато говори за „конкуренция“, Ст. Димитрова има предвид не просто разминаване между научни термини и тяхната популярна употреба – както например при думите „акцент“ или „емпатия“. В лингвистиката конкуренцията се разбира като дългосрочен процес. Конкуренция на езиковите форми възниква тогава, когато различни форми изпълняват сходна функция в съобщението, намират се в близка семантична дистрибуция и са относително равнопоставени. Тази равнопоставеност никога не е абсолютна, но позволява на формите да съществуват паралелно дълго време, като за различните носители на езика те могат да имат различна стойност. В езика непрекъснато възникват нови зони на

конкуренция – формите се заменят взаимно, понякога дори неусетно за говорещите. Така колективното езиково съзнание създава цели системи от конкурентни форми.

Наблюденията на Ст. Димитрова върху конкуренцията в езика я водят както до твърди научни убеждения, така и до хипотези с по-предположителен характер. Именно тези открити въпроси според нея са особено ценни, защото дават перспектива за бъдещи наблюдения и за натрупване на нови езикови корпуси, които могат да бъдат описвани и анализирани.

Според проф. Димитрова конкуренцията се проявява на всички езикови равнища. Това позволява дори да се говори за типологична конкуренция в езиците. В славянските езици например конкурентни процеси могат да се наблюдават на фонологично, морфологично, словообразувателно, синтактично и семантично равнище. Когато конкуренцията е налице на всички тези нива, тя придобива типологичен характер.

В своята лекции проф. Димитрова постави акцент и върху особеностите на индианските и племенните езици. При някои от тях речта се конструира наново във всеки акт на говорене. Тя отбелязва, че не е известен европеец, който напълно да е овладял подобен индиански език, поради което тези езици са описвани „отвън“ – от наблюдатели, които трудно могат да се доближат до реалното езиково съзнание на носителите им. Говори и за племенни езици с прещракващи звуци, чието съществуване е обусловено от физиологичните особености на говорния апарат.

Особено внимание бе отделено на противопоставянето между лексикалната и граматичната система в европейските езици. Лексикалният състав е отворена система – той постоянно се обогатява и понася загуби. Тази идея е близка до теорията на Крушевски. За разлика от него граматичната система се изменя много по-бавно и

консервативно. Именно това противопоставяне поставя въпроса къде най-силно се проявява конкуренцията – в иновацията или в консерватизма. Според Ст. Димитрова най-активната конкуренция в индоевропейските езици се наблюдава именно в лексикалната система.

Тази лексикална конкуренция е описана още през ранното Средновековие в арабското езикознание. Според проф. Димитрова арабската лингвистична традиция е една от най-слабо познатите в България, въпреки че представлява изключително важен етап в развитието на езиковедската мисъл през XI–XII век както в Азия, така и в Европа. Тя разказва за двата големи лингвистични центъра – Куфа и Басра, които се намирали в постоянна научна конкуренция. Именно там възниква речникарството, или лексикографията. В арабските речници особено силен е интересът към синонимията, а синонимията според Димитрова е основна форма на езикова конкуренция. Арабските учени смятали, че техният език е изключително богат на синоними и понякога посочвали десетки форми за една дума. Част от тези форми днес бихме определили по-скоро като дескриптивни. Най-важното обаче е, че именно арабските езиковеди първи описват възможността една форма да замести друга, без комуникацията да бъде нарушена. Затова Ст. Димитрова приема арабското езикознание като начало на изследването на конкуренцията между езиковите форми.

Темата за конкуренцията на езиковите форми има тясна връзка и с понятието *идиолект*. Проф. Димитрова отбеляза, че това понятие е въведено в лингвистичната наука от О. Конт през XIX век. Според нея човек никога не е безразличен към собствения си език – всеки има езиков вкус, предпочитания и лично отношение към речта си. Ето защо в тази връзка конкуренцията най-лесно може да бъде наблюдавана в лексиката. По-трудно тя се открива на граматично равнище, а най-сложно – на фонетично. Въпреки

че фонетичната система е най-организирана, и там съществува конкуренция. Тя възниква при прехода от фонема към конкретен звук, тъй като една фонема може да има множество алофони, произнасяни различно от отделните носители на езика. Проф. Димитрова даде примери от съвременния руски и съвременния български език, където нови форми постепенно влизат в конкуренция със старите.

Конкуренцията на фонетично равнище се проявява различно във всеки език. В полския език например тя е свързана с противопоставянето между меки и твърди съгласни, както и с особеностите на ударението. В руския език конкуренцията е особено силна по отношение на произношението – между московската и санктпетербургската норма. Ст. Димитрова говори и за фонетичните стандарти в московските театри, както и за старомосковските говорни особености, при които понякога се наблюдава дори изкуствено създадена конкуренция.

В следващата част на лекцията проф. Димитрова насочи вниманието на аудиторията към доклад на З. Оливериус от 60-те години на XX век. Според него, когато наблюдаваме различни езикови форми, трябва да разграничаваме дали те се реализират поради вътрешните възможности на езика или защото обществото се опитва да ги наложи. Езикът не допуска форми, които противоречат на неговите вътрешни закони – идея, разработена и от проф. П. С. Кузнецов. Интерес представляват именно онези възможности, които езиковата система допуска, но които никога не се реализират. Като пример Ст. Димитрова посочва определени звукосъчетания, характерни за грузинския език, но нетипични за славянските езици, като *мх* и *мц*. Щом подобни езикови факти не се реализират в даден език, не може да се говори за реална конкуренция между форми.

Особено интересна е конкуренцията на суфиксално равнище. Ст. Димитрова разглежда ятовия преглас в българския език и форми като „*брашнен – брашнян*“ или „*кадифени – кадифяни*“. Тя коментира и употребата на суфикса *-ск-* и неговата замяна с *-н-* в двойки като „*академически – академичен*“. Често *-ск-* се приема за руски суфикс, но според нея той е изконно български. Позовавайки се на Л. Андрейчин, тя подчертава, че между тези две форми няма истинска конкуренция, защото значенията им са различни: „академически“ означава „свързан с висше учебно заведение“, докато „академичен“ описва характеристика – например академично поведение или академична външност.

Конкуренцията се проявява различно и в отделните езикови зони. В полския език тя се наблюдава както при меките и твърдите съгласни, така и при ударението, въпреки че то е фиксирано и парокситонично. Ст. Димитрова цитира финландски учени, според които в бъдеще ударението в европейските езици постепенно ще се премести към корена на думата, защото именно той носи най-много информация.

В българския език колебанията са по-силни в консонантната система, докато в други славянски езици те засягат предимно вокализма. Това се обяснява с факта, че в много славянски езици дължината на гласната има ключова роля, макар на места вече да е загубила своята функционалност. Димитрова даде примери и от сръбския език, където съществува конкуренция на вокалните форми между говорите на Нови Сад и Белград, като се позовава на Боголюб Радованович.

Според Ст. Димитрова, езикът е в процес на постоянна на еволюция. Тя споделя възгледите на Л. А. Звегинцев, че езикът непрекъснато разкрива нови аспекти на явленията, които описва. Именно затова темата за конкуренцията на езиковите форми остава неизчерпаема. Своите по-нови наблюдения Ст. Димитрова включва в

книгата си „Лингвистичен роман“, където разглежда конкурентните процеси на всички основни езикови равнища.

Накрая Ст. Димитрова се спря и на спорните случаи в морфологията и синтаксиса. Тя постави въпроса за конкуренцията при глаголния вид и цитира И. Г. Милославски с примерите *„Купувам сол“* и *„Купувам апартамент“*. В първото изречение действието се възприема като еднократно, а във второто – като процес. Конкуренцията тук се проявява в различните семантични значения на глагола „*купувам*“. Подобен е и примерът с глаголите „*яздя*“ и „*яхам*“ – и двата са несвършен вид в българския език, но носят различни смислови нюанси. Изборът между тях е подсъзнателен акт на говорещия и показва колко тясно са свързани езиковата система, значението и човешкото мислене.

Във втората част на семинара доц. Н. Стойкова представи младия изследовател доц. д-р Енчо Тилев от Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“.

Вниманието на аудиторията от докторанти, постдокторанти и преподаватели беше насочено към лекцията на тема „*Падежът като граматична абстракция – идеи и трансформации*“ – плод на изследователските интереси на лектора.

Обзорът на трактовките и еволюцията на идеите за тази категория беше представен в изключително дълъг период от време, който обхваща хилядолетия – от античността, преминава през първите граматики на църковнославянския език, като се проследява методично описанието на падежите в руската лингвистика, чийто диапазон започва от М. С. Ломоносов и обхваща съвременните обобщаващи изследвания по руска граматика.

Е. Тилев маркира основни тезиси през вековете, които в голяма степен са повлияли по-нататъшното развитие на концепциите за падежа. Специално внимание беше отделено

на дескрипцията на езиците в древността, като се демонстрираха подробности от индийската граматична традиция, премина се през развитието на идеите в древна Гърция, в Рим с първите описания на падежа. Представени бяха и подробно описани в хронологичен ред голямо количество трудове, някои от които достъпни само на немски език (като например осмокнижието на древноиндийския граматик Панини).

Ретроспекцията в традициите на изучаването на езика беше демонстрирано чрез най-старата граматика, за която са достигнали сведения до нас „Нирукта“ на индийския книжовник Яска, който пръв прави опит за класификация на думите и на закономерностите при словообразуването и словоизменението. Осмокнижието на Панини оказва най-значително влияние и е валидно в много голяма степан и днес с оглед съвременното развитие на езика в Индия. Тази граматика е най-старата граматика достигнала до нас. Независимо, че е създадена през VI век пр. н.е., в тази санскритска граматика се интерпретират много умело някои от езиковите факти, като това описание е много близко до съвременното. Някои от проблемите, които се засягат в нея са свързани с разбирането на езика като система, описанието на фонетичните редувания, въвеждането на понятието нулева морфема. В центъра на този труд стои морфологията, като падежите не са назовани с имена, а са обозначени с цифри. Беше демонстрирано древното склонение въз основа на санскритската дума Дева (Бог). Оказа се, че Панини е единственият лингвист до средата на XX век, който съпоставя падежните форми с функционалните класове, наречени карака (семантичните отношения между съществителното и глагола). Направено беше важно уточнение, че няма абсолютно припокриване между морфологично изразен падеж и карака. Панини формулира основните правила, допълнени и конкретизирани по-нататък.

Отбелязано беше, че основната разлика между древногръцката и римската граматика е, че не съществува детайлна класификация на семите на отделните падежи, което води до липса на описание на отклонение от нормата. В древността граматиката се възприема като нещо синкретично и по времето на Аристотел се формират първите лингвистични термини, които са валидни и до днес. Такива термини са – *категория*, *част на речта* и *падеж*, останали устойчиви, въпреки че не са еднозначно тълкувани. Интересното е, че Аристотел говори и за *падеж при глагола*. Той разбира падежа като *отклонение*, *падение* от формата на именителния падеж при имената и от сегашното време при глаголите.

За разлика от Аристотел, стоиците отнасят именителния падеж към останалите и ги свързват само с имената. Перипатетиците възразяват срещу причисляването на именителния към останалите падежи.

Разгледана беше и прочутата граматика на Дионисий Тракийски „Изкуството на граматиката“, която е частично запазена до наши дни, и оказва значително влияние върху последващите изследвания. В нея се говори за класификацията на частите на речта, падежите, приема наличието на пет падежа, но не ги разделя на преки и косвени.

Сред александрийските граматици изследователят откроява Аполоний Дискол, който пръв обръща внимание на синтактичните въпроси, разделя частите на речта на склоняеми по падежи, на глаголи и на несклоняеми. Според него падежът е изменение на името или на някаква именна дума, извършващо се в края на думата.

Римската граматика, възниква като самостоятелна наука през II век пр. Хр., но това понятие е било по-широкообхватно, отколкото е съвременното разбиране. От римските граматици Е. Тилев отличи Марк Теренций, който отхвърля идеята на Аристотел. М. Теренций разделя частите

на речта на: думи с падежи (съществително, прилагателно, числително, местоимение); думи с времена, но без падежи – глагол; думи с падежи и времена – причастия и думи без времена и падежи – наречията. Схематично беше представена и граматиката на Квинт Ремий Палемон, където за първи път се употребяват названията на падежите, калкирани от гръцки език с неправилното пренасяне на названието на винителен падеж. Тук за първи път вниманието се фокусира върху най-ярките значения на грамемите.

Най-голяма популярност сред латинските филологически трудове придобиват двете граматики на Елий Донат, смятани от лингвистите за репрезентативни за жанра на т.нар. „школска граматика“. Тези граматики се използват активно за обучението по латински език, както и служат за образец при съставянето на граматиките на отделните славянски езици. Връзката се проявява в структурирането на съдържанието във вид на въпроси и отговори, методологията на поднасяне на материала.

Е. Тилев фокусира вниманието върху падежа в църковнославянската литература, създадена в средата на XV век, където се наблюдава влияние на гръцката граматична традиция. Разгледани бяха три граматики – на (псевдо-) Дамаскин, граматиката на Лаврентий Зизаний и граматиката на Милетий Смотрицки. „За осемте части на речта“ се смята за първото граматично произведение в славяноезичния свят, приписвано на св. Йоан Дамаскин – виден богослов и християнски мислител от първото хилядолетие. Има съмнения, че тази граматика представлява превод от старогръцки на Йоан Екзарх, но в същото време това се и отрича. Именно това е причината да се нарича (псевдо-) Дамаскин. В тази книга се определят осем части на речта, както се говори и за падежите, посочвайки отделните названия на грамемите (*прав* – И.п, *роден* – Р.п., *виновен* – В.п., *дателен* и *звателен)*. Дават се дефиниции, които се

обвързват с основните значения на падежите. В тази граматика се употребяват синонимно понятията *падеж* и *падение*, но се отдава приоритет на второто и се акцентира на флексията като различие в отделните граматични значения.

Следващата граматика, на която се спря Е. Тилев „Аделфотис“ *Adel'fotis: Grammatika dobroglagolivago ellino-slovenskago jazyka. Sovershennago iskustva osmi chastej slova* (Граматика на доброглаголивия елино-словенски език) – първата изцяло печатна граматика в православния свят, замислена първоначално като граматика на гръцкия език и тя всъщност е именно това. Предвид факта, че това е превод на езиковите образци от гръцки на църковнославянски дава основание на някои изследователи да твърдят, че това е граматика на църковнославянския език, калкирана от гръцки. Други изследователи я определят като типична съпоставителна граматика, издадена на базата и повлияна от други граматики (Граматиката на К. Ласкарис, 1476 г. – Милано; гръцките граматики на Филип Мелантон, издадена във Франкфурт, на Мартин Краус – в Базел и тази на Николаус Кленард, издадена в Женева през 1580 г.). За автор на тази граматика се смята епископ Арсений, а преводът на църковнославянски е правен от учениците, един от които е Лаврентий Зизаний. В „Аделфодис“, написан в духа на универсализма, не се дават ясни сведения за функциите и значенията на падежа, освен, че се изменя по три числа (ед.ч., мн.ч., дв.ч.) и има форми за четири падежа – *именовен*, *роден*, *дателен* и *виновен*.

Следващите граматики, на които се спря гост-лекторът бяха тази на Лаврентий Зизаний и на Мелетий Смотрицки, които следват структурата на предшестващите трудове и не се отличават със значителни промени в осмислянето на езиковите абстракции. Въпреки това, се отбеляза, че граматиката на Л. Зизаний заема важно място в историята на славяноезичната лингвистика като първата

системна граматика на църковнославянския език. Пръв Л. Зизаний отделя творителния падеж като самостоятелна грамема, като определя неговото инструментално значение. Граматиката на М. Смотрицки впечатлява с обема и широтата, с която се разглеждат езиковите явления. Езиковият усет на автора успява да улови различията между църковнославянския език и класическите езици, което до онзи момент не се открива. Книгата се оценява като едно от най-важните ръководства в църковнославянския език.

Обърнато бе внимание и на руската лингвистика, в която дълго време се смята за първа граматика на руския език „Российская грамматика“ на М. В. Ломоносов. Този мит се развенчава от руския лингвист Б. А. Успенски през 1970 г.

Някои от най-ранните съчинения от края на XVII в. и началото на следващия век са издадени извън пределите на Русия. Сред тези издания това е граматиката на В. Е. Адудуров, с която М. Ломоносов не е запознат. Според изследователите, граматиката на М. В. Ломоносов е много актуална и от съвременна гледна точка. Той оказва значително влияние върху терминологията и утвърждаването на категорията падеж, поставя въпроса за двойственото число и др. При дефинирането на падежа, М. Ломоносов определя шест, като все още липсва предложния падеж. Съществува твърдение, че терминът *предложен падеж* е въведен под влияние на немската граматика на Йохан Бьодигер (1744 г.), достъп до която е имал М. В. Ломоносов в библиотеката на Академията на науките и това е чисто структурно название. Други названия, които се срещат за назоваването на предложния падеж в другите граматики (известно е, че назоваването е много важно, като се акцентира върху водещото значение на съответната грамема) са: *обективус*, *нарративус*, *локалис*). Смята се, че при предложението на термина от М. В. Ломоносов, не се

акцентира върху отделните значения, а върху облигаторната падежна употреба.

Внимание бе обърнато и на един не толкова популярен книжовник. А. А. Барсов, който написва своята граматика, в обем от близо 800 страници, със същото название като на М. В. Ломоносов, за което цензурата не я допуска за издаване. Въз основа на този ръкопис през 1802 г. се издава първата академична граматика в Санкт-Петербург. До 80-те години на XX в. А. А. Барсов не е познат на аудиторията, докато през 1981 г. Б. А. Успенски не издава неговата граматика. С нейното отпечатване се вижда и приносът на автора, който пръв въвежда термините *простое* и *сложнае предложение, грамматическое и логическое подлежащее и сказуемое, порядковые числительные, согласование, управление, приложение* и др. Именно в тази граматика започва да се дискутира по-подробно въпросът за основата на думата, която се разграничава от корена. А. А. Барсов отбелязва, че падежите са седем, но окончанията само пет. Говори за творителен, за предложен падеж, като на места използва и термина *сказательный* падеж за предложен. За първи път се описва и вида на глагола. Трите граматики на В. Е. Адудуров, А. А. Барсов и М. В. Ломоносов се смятат за първите опити за описание на руския книжовен език.

Аудиторията бе запозната и с едни от най-ярките представители на Казанската книжовна школа – В. А. Богородицки, Я. Бодуен де Куртене и Н. В. Крушевски. Поставят се въпросите за синхронията и диахронията в езиковите изследвания, които намират развитие по-нататък в структурализма на Ф. де Сосюр и в други направления. В. А. Богородицки не се спира подробно на падежите като категория, но прави някои важни допълнения към традиционната класификация, като отразява това в своя курс по руска граматика от 1904 г. и отбелязва, че в учебните граматики се отделят седем падежа, но към тях могат да се

добавят и други. Той предлага да се отдели от родителен падеж, т.нар. изходен падеж, а от предложния – отличава местен падеж и др., без да отрича наличието на предложния падеж. Маркирани бяха и други по-съвременни схващания за падежите.

Не беше пропуснато и беше отделено специално внимание на историята на българската лингвистична мисъл от края на XVIII и първите десетилетия на XIX-ти век, в която естествено и подразбиращо се се усеща влиянието на руския, гръцкия и църковнославянския език. Представени бяха и някои български граматики с по-второстепенно значение, отпечатани преди Освобождението и преди началото на XX век, чиито автори не са притежавали задълбочена филологическа подготовка.

„Българска граматика“ на Неофит Рилски, издадена в гр. Крагуевац през 1835 г., преиздадена наскоро и на съвременен български език, е видимо повлияна от граматиките на Милетич, Ломоносов и др. В тази книга са обособени осем части на речта, четири склонения – три субстантивни и едно адективно, следващи руските образци. Н. Рилски говори до известна степен за конкуренция на форми, синоними. През същата година, отново в Крагуевац е издадена и граматиката на Неофит Бозвели и Емануил Васкидович „Славяноболгарское детоводство“. Именно това съчинение се приема за първата граматика, но граматиката на Н. Рилски оказва забележимо влияние в развитието на филологическата мисъл в България. Г. Кръстевич е един от хората, които играят важна роля при създаването на екзархията. В едно от неговите писма за падежите говори за изменяеми и неизменяеми части на речта, за флексиите, с които се означават значенията на падежите. Той е един от първите, който изразява мнение в същото това писмо относно езиците без падежи и че няма потребност от тях,. Отделя от два до четири падежа, но въпреки това полага основите на

отпадането на падежите. Е. Тилев сподели, че от други документи е видимо, че идеята за отпадане на падежите е от по-рано, от преди Г. Кръстевич, който в друго писмо споменава по този повод името на В. Априлов, но все още това не е докрай изследвано.

Споменат беше и Г. Миркович с „Кратка и методическа българска граматика“ от 1860 г., който също изразява идеята за липса на падежи в българския език. Обърнато бе внимание и на А. Теодоров-Балан с неговата „Българска граматика за долните класове на средните училища“, 1898 г. А. Балан е известен с пуризма си и това неминуемо оказва влияние върху езика и терминологията, която ползва, което го прави до някаква степен неразбран, особено от съвременниците. В края на XIX век А. Балан заговаря за разликата между падежни форми и падежни отношения. В тази книга А. Балан въвежда ново понятие като общ падеж, което се среща и по-нататък, а по-късно той се отрича от това, поради нерелевантност.

Специално внимание беше отделено на голямата дискусия за падежите през 50-те години на миналия век, предизвикана от спор между Л. Андрейчин и А. Теодоров-Балан.

Чрез тази хронология лекторът презентира задълбочените си познания в областта на историята на лингвистиката и по достъпен начин представи концепциите за падежа в световната, руската и българската лингвистика.

След приключване на лекцията бяха зададени въпроси от присъстващите и се премина плавно към дискусия, която след почивката продължи на кръглата маса „Активни процеси в системата на езика (руски и български език)“, в която участваха бивши и настоящи преподаватели, като специални гости бяха проф. д-р Т. Иванова, доц. д-р Цв. Янакиева, гл. ас. д-р К. Колева и гл. ас. Е. Иванова.

Филологическата колегия изразява своята искрена и дълбока благодарност към проф. д.ф.н. Стефана Димитрова и доц. д-р Енчо Тилев за изнесения цикъл от лекции, посветени на актуални въпроси на съвременната лингвистика. Собствените им проучвания и последвалите академични дискусии дадоха ценен принос към изследователската дейност на слушателите и задълбочиха колегиалното сътрудничество. Колегията пожелава на гост-лекторите последващи творчески успехи и изразява увереност в бъдещи съвместни инициативи.

Надежда Стойкова Стойкова
доцент, доктор по филология,
Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“
гр. Шумен, България
Nadezhda Stoykova Stoykova
Assoc. Prof., PhD,
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria
n.stoykova@shu.bg
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3315-3703
Researcher ID: C-1122-2017

Дияна Георгиева Николова
гл. асистент, доктор по филология,
Катедра по руски език
Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“
гр. Шумен, България
Diyana Georgieva Nikolova
Senior Assistant Professor, PhD
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria
d.nikolova@shu.bg
РИНЦ: SPIN-код: 1446-0951, Author ID: 895700
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0002-7416-6033